

Шипок на фоне других имен розы

М. С. Мушинская

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

Д. В. Сичинава

Потсдам/Йена (Германия)

*What's in a name? That which we call a rose,
By any other name would smell as sweet.*

*Где роза без шипов растет,
Где добродетель обитает.*

Мы хотим подарить Анне Абрамовне Пичхадзе на ее юбилей букет разнородных наблюдений, посвященных русским обозначениям розы, прежде всего *шипку*. Этот церковнославянизм (он означает не только розу, но и гранат) представляет собой примечательный пример, иллюстрирующий иноязычные влияния на семантику, конкуренцию синонимов и поиск собственной семантической и стилистической ниши в новой культурной ситуации.

Отправным пунктом нашего интереса к этой теме стала статья [Двинятин 2020]. В своей содержательной работе Ф. Н. Двинятин подробно рассматривает ряд синонимических пар фитонимов (*циан(а)* и *василек*, *чинар(а)* и *платан*, *топол(ь)* и *раина*, *георгин(а)* и *далия* и др.) и более бегло упоминает некоторые другие, в частности, характерные для XVIII в. две пары старого (церковнославянского, высокого) и нового обозначения классических цветов, нагруженных в европейской культуре глубокой символикой: *шипок* vs.

роза и крин vs. лилия. Белая лилия и красная роза, как хорошо известно и как еще будет видно из примеров в разных частях этой статьи, действительно устойчиво выступают рядом — от византийских житий до поэзии эпохи романтизма.

Эти две пары названий, помимо очевидного параллелизма, имеют все же неодинаковую судьбу. Старый грецизм *крин*, довольно широко известный в русской поэзии (130 примеров в поэтическом подкорпусе НКРЯ, вплоть до Ахматовой, Цветаевой, Даниила Андреева и даже Николая Байтова), употребительный в литургике, входящий в устойчивые сочетания вроде *крин сельный, райский крин* и на целых полвека, буквально с самого прибытия Екатерины в Россию, ставший дежурной одической рифмой к ее имени¹, в особой рекомендации не нуждается. *Шипок* знаком носителям русского языка и читателям русской классической литературы существенно меньше. Умеренно частотное даже в романтическую эпоху, с ее окончанием это слово исчезло, мелькнув только у профессиональных ее стилизаторов Бориса Садовского и Юрия Верховского. Слово *шипок* не очень хорошо представлено и в словарях: в [БАС] круг его значений ограничен характерными для языка XIX в.; у В. И. Даля и в Академическом словаре 1847 г. дано из общелитературных исключительно диминутивное значение (как мы увидим, недосмотр лексикографов связан с ошибочной идентификацией форм слова), у Д. Н. Ушакова (в отличие даже от *крина*) и в [МАС] его нет. Исторические словари русского языка, кроме «Материалов» И. И. Срезневского (т. е. Словари древнерусского языка, русского языка XI–XVII и XVIII вв.), а также «Словарь русских народных говоров» до буквы «Ш» пока не дошли, их материалы доступны только в виде картотек.

Интересно было бы рассмотреть это слово подробнее: с ним связан целый ряд нетривиальных сюжетов. В некоторых из них бок о бок с *шипком* выступает и *крин* (вплоть до того, что в ботаническом лексиконе 1780 г. они отождествляются). Одновременно интересно посмотреть, на фоне каких других исторических синонимов и обозначений розы *шипок* функционировал в древний и новый период, а для этого не миновать и обращения к греческим и еврейским источникам церковнославянских текстов. Именно с церковнославянских примеров и оригинальных контекстов мы и начнем, после чего обратимся к трансформациям употреблений этого слова в языке Нового времени. Помимо словарных картотек, незаменимым

¹ Можно даже полувсерьез предложить, в духе известной работы [Шапир 1996], гипотезу о том, что эта «высочайшая приуроченность» *крина* сыграла некоторую роль в актуальности этого слова в дальнейшей поэзии.

подспорьем в изучении истории фитонимов ныне является база данных PhytoLex², в которой учтены фитонимы XI–XVIII вв. с привязкой к ботанической номенклатуре.

1. Роза и гранат: (церковно)славянская полисемия *шипка*

Рассмотрение исторического материала нужно начать с того, что на всем протяжении древнего и среднего периодов русско-славянской книжной письменности слово *шипѣкъ* (*шипокъ*) служило названием не только розы, но и граната [Срезн., 3: 1593–94]. М. Фасмер [4: 440] приводит форму *шипѣкъ* как древнерусскую и указывает оба значения. Это требует уточнения: дело в том, что в раннедревнерусский период *шипѣкъ* и его производные встречаются исключительно в текстах южнославянского происхождения. Это видно уже по примерам в словаре И. И. Срезневского — лишь один из них взят из памятника, созданного на Руси, причем отнюдь не раннего: Хождения Василия Позняка (по списку XVII в. ~ 1561–1570 гг.). Материалы Картотеки СлРЯ XI–XVII вв. (далее — КДРС)³ главным образом расширяют круг древнеболгарских памятников, дошедших в русских списках⁴, но дают и две более ранние фиксации для *шипка* и его дериватов в значении ‘роза’ в произведениях русских авторов начиная с XV в.: в Похвальном слове Сергию Радонежскому Епифания Премудрого, работа над которым была завершена к 1412 г. (*шипокъ блгоюханнии* РГБ, Тихонр. 705, л. 116⁵), затем (также в агиографическо-панегирических текстах) —

² См. <https://phytolex.eusp.org/> [Коваленко, Усалко 2025].

³ Материалы КДРС были проверены нами по рукописям или публикациям; в тех случаях, когда такой возможности не было, мы ссылаемся на сокращенное название памятника в Указателе источников словаря XI–XVII вв. в [Справ.] и место в памятнике, указанное в КДРС. Авторы сердечно благодарят М. И. Чернышеву, Я. А. Пенькову и Н. П. Иордани за помощь в подборе славянских источников КДРС и греческих параллелей.

⁴ Например, прил. *шипѣчныи* в Житии Нифонта: *овѣгда бо тако и шипѣчныи листь бодуше* (ποτὲ μὲν καθάπερ ῥόδον ἐγένετο), *овѣгда же драсльствѣмь одържимъ бываше* в списке 1219 г. [Рыстенко 1928: 373]; из более поздних памятников — *шипокъ* в Хронике Константина Манассии и в Троянской истории (контексты см. в [НКРЯ], <https://ruscorpora.ru/s/zmpz2>).

⁵ По изд. [Тихонравов 1892: отд. 2, 143]. Н. С. Тихонравов полагал, что эта рукопись могла принадлежать Пахомию Логофету [Там же: отд. 2, 174], однако и он, и Б. М. Клосс, исследовавший обширную рукописную традицию комплекса сочинений, посвященных памяти Сергия Радонежского, считали Похвальное слово подлинным сочинением Епифания, в отличие от различных редакций жития святого, дошедших до нас в переработках Пахомия (см. [Клосс 1998: 145–148]).

в Житии Макария Калязинского 1-й пол. XVI в. (*и тако шѣпокъ бл̑говонень лви(ѿ) РГБ, Унд. 337, л. 11 об.*) и у Зиновия Отенского (ум. 1568 г.) в Прославлении Никиты еп. Новгородского XVI в. (*яко шѣпокъ в поли цвѣтяше РГБ, Рум. 154, л. 49*). В XVII в. *шипъкъ* выглядит уже вполне освоенным и вне церковнославянского узуса: так, в рукописном лексиконе «Книга глаголемая гречески алфавит» (БАН, Арх. д., 446, XVII в.) оно используется в толкованиях: *Триандафилон олеон — шипковое масло. Триандафило — шипок* (л. 227 об.); *Валсамон — шипок благовонный* (л. 37)⁶. Ср. также: *Не достоит бо во инои кр(с)тити водѣ такова же есть ѿ шипков или зелии иных оутворенна* [КДРС, Скрижаль (Арсения Грека), 1656 г., VI, 66]. В «Путешествии чрез Сибирь... Николая Спафария в 1675 г.» *шипокъ* стоит в ряду научных (латинизированных) названий других растений: *По Кети разные цветы и травы шипокъ и лиліюмъ, карвамюмъ* [КДРС, Спафарий. Сибирь, 83]. Но, по-видимому, в качестве названия розы или шиповника это слово всегда оставалось книжным: в документах, фиксирующих разговорный язык, встречаем *шипокъ* только в значениях ‘колючка’, ‘острие’ и т. п., например: *въ глазахъ шипокъ а въ рукахъ крапивной вѣнокъ* [КДРС, Посл.Богд., л. 18]; *Чаша на поддонѣ съ кровлею черневая, на кровлѣ пукля въ шипку, а на ней птичка* [КДРС, Д.Шакловит. IV (1689–1691 гг.), л. 30]; *и за женою моею гонялъ съ полѣномъ и хотелъ ея бить и шипкомъ за нею шибалъ* [КДРС, АХУ II, 790]. В значении ‘дикая роза’ фигурируют другие суффиксальные образования от *шип*. Современное *шиповник* фиксируется с начала XVIII в.: *На Соловецкомъ островѣ овице сицево обрѣтается: малина, морошка, ...рябина, костяница, толоконка, шиповникъ* [КДРС, Дам. Афон.гора (1701–1706), л. 72]; *Лісіца ухватілася за шіповниковъ кустъ, егоже терніємъ уязвлена, кровію истече и боляше* [КДРС, Эсоп (1717), 1]. Параллельно встречаются прилагательные *шиповный* (*Vaccae Cynosbati — шиповніе агоди — Hagbutten* Грамматика Лудольфа 1696 г. [КДРС, Lud., л. 86]; *Тако ж здорово лошадямъ когда оныхъ кормятъ травою вметывая в оную траву шиповныхъ цветов* [КДРС, Кон.зав. (2-я пол. XVIII в., л. 96 об.)] и *шиповый* (*Шипова коренія јзрезавъ мелко да варить гораздо в горшке* [КДРС, Леч. II (1763 г.), гл. 89]).

Что касается лексемы *шипокъ* ‘гранат’, то первая ее фиксация у русских авторов также относится к XV в. — в Хождении Трифона Коробейникова 1437 г.: *Среди жь монастыря студенець Моисѣвъ, сии рече кладезь... и натъ тѣмъ кладеземъ стоитъ древо шипокъ, что Моисѣи насади* [КДРС,

⁶ Идентичные толкования присутствуют в Азбуковниках Сергия Шелонина (БАН 33.9.1, Тихонр. 338, Сол. 18) и Давида Замарая (Юд. 4, Тихонр. 1, Погод. 1642), см. PhytoLex.

Х.Тр.Короб., 64.]⁷. Но это значение не стало общеизвестным, ср. разъяснение игумена Пантелеймоновского монастыря Иоахима в Сказании о Афонской горе (XVII в. ~ 1561 г.): *шипокъ подобень ести яблокамъ большимъ, вкусомъ же кислы естъ* [Леонид 1882: 23]. В тех же Азбуковниках XVII в., где слово *шипокъ* используется в толкованиях в значении ‘роза’, оно фигурирует и в функции названия граната, но в этом случае как подлежащее толкованию: *Шипокъ — плод дерева, а подобен яблокамъ большим, а вкусомъ кисел и благовонен*⁸. Если в качестве названия розы слово *шипъкъ* было постепенно освоено старорусским книжным языком, то в значении ‘гранат’ оно в целом оставалось ему чуждым. Русские книжники встречали его в основном в южнославянских переводах Ветхого Завета и не всегда понимали, поэтому в библейских списках оно часто искажается (см. ниже, раздел 3.3).

Вырисовывающаяся по письменным источникам картина распространения *шипка* в двух значениях в русской книжности получает объяснение при обращении к лексическому материалу других славянских языков и диалектов.

В значении ‘дикая роза, *Rosa canina*’ это слово и другие суффиксальные образования с корнем **šip-* представлены во всех без исключения славянских языках:

**šipъ*: болг., макед. *шип* ‘дикая роза’ [Геров, 5: 581; PMJ, 3: 568], с.-х. *šip* ‘дикая роза’ [Bezlaĵ 4: 45; Boryś: 611], словен. диал. *ščípa* ‘дикая роза’ и собир. *šipovje* ‘заросли шиповника’ [Bezlaĵ, 4: 45], словц. диал. *šip* ‘дикая роза’ [SSJ: 409, HSSJ: 625], чеш. *šipí* ‘плоды дикой розы’ [PSJČ: 1061], старопольск. *szypie* (собир.) ‘то же’ [SStP: 593];

**šipъкъ* ‘дикая роза’: ст.-слав. *шипъкъ* [ССЯ, 4: 922], болг. *шипок* [Геров, 5: 582], с.-хорв. *šipak* [RHJ: 529; RJA, 17: 609; Skok, 3: 393], словен. *ščípek*, *šipek* [SSKJ: 1068], чеш. *šipek* [PSJČ: 1061], словац. *šipek*, *šipik* [SSJ, 4: 409; HSSJ: 625], старопольск. *szyпки* (pl. t.) ‘плоды дикой розы’ [SStP: 593], укр. диал. *шипок* ‘азалия’; это название, вероятно, перенесено с розы, поскольку «у обоих растений красивые цветы» [ЕКУМ, 6: 418];

болг., макед. *шипка* ‘дикая роза (растение и плоды)’ [Геров, 5: 581; PMJ, 3: 568] (отсюда и название известного перевала *Шипка*), словц. *šipka* ‘плод дикой розы’ [SSJ, 4: 409; HSSJ: 625]; укр. *шипка* ‘азалия’ [ЕКУМ, 6: 418];

⁷ Отметим дословное совпадение с упомянутым выше примером Срезневского из Хождения Василия Познякава.

⁸ См. в базе данных PhytoLex: <https://phytolex.eusp.org/?text=%D1%88%D0%B8%D0%BF%D0%BE%D0%BA%D1%8A&yearStart=1000&yearEnd=1900&page=0&offset=10&after=undefined>

с.-х. *šipkovina* ‘дикая роза (растение и плоды)’, *šipovina* ‘то же’ [RJA, 17: 615, 616]

болг. *шипенкы* ‘плоды дикой розы’ [Геров, 5: 581], макед. *шипинка* ‘то же’ [PMJ, 3: 568], чеш. *šipínka* ‘дикая роза’ [PSJČ: 1061];

**šipъčina*?⁹: польск. диал. *szypczyzna* ‘дикая роза’ [SJP: 706]. Вероятно, польское слово распространилось далее на восток, ср. укр. *шипшина* [Грінченко: 495], блр. *шыпышына* [ТСБМ: 430], рус. диал. (юж.) *шипши́на* [Даль];

укр. *шипчак* ‘дикая роза’ [Грінченко: 495].

В русском языке эти слова (кроме *шипшины* в южнорусских диалектах) не представлены, но есть множество образований с другими суффиксами. Помимо общерусского *шиповник*, в диалектном материале имеются: *шипичник*, *шипняк*, *шипница* [Даль; Востоков: 265; Подвысоцкий: 192], олон. *шипичьник*, *шипичицник* (Крг., Пт.) [Куликовский: 137], *шипняг* [НОС: 1304], смол. *шипчїнник* [Добровольский: 1001], яросл. *шипига*, *шипериха*, *шипковник*, *шипульняк* [Мельниченко: 75] и др. под., см. [Анненков 1878: 300].

Таким образом, дикая роза с глубокой древности ассоциировалась с колючками у всех славян, что отражено как в повсеместности, так и в разнообразии производных от **šip*-. Иначе обстоит дело с гранатом: только в южнославянских языках у слова **šipъkъ* обнаруживается совмещение значений ‘шиповник; роза’ и ‘гранат’: древне- и среднеболг. *шипъкъ*, болг. *шипка* [Геров, 5: 581], с.-х. *šipak* [RHJ, 2: 529; RJA, 17: 608, Skok 3: 393], а также *šip* [RJA, 17: 607]. Оба значения (в соответствии с греч. ῥόδον и ῥόα) представлены в древнеболгарском Супрасльском сборнике XI в.¹⁰; другие

⁹ Такую праславянскую форму указывает [ЕСУМ, 6: 419] со ссылкой на [Brückner: 561]; однако в указанном месте Брюкнер предлагает не праславянскую реконструкцию, а незасвидетельствованную форму **szypczyzna*, предшествовавшую форме *szypczyzna*.

¹⁰ Л. 495, 16 *шипъкъ* — ῥόδα; л. 258, 15 *жъзлийє шипъчано не оцѣштено* ῥάβδους ῥόων ἀκαθάριστους [Займов, Капалдо 1982: т. 2, 451 и т. 1, 535]. Второй пример в [ССЯ, 4: 922] объясняется как ошибка переводчика, читавшего ῥόδων вместо ῥόων и, стало быть, употребившего прилагательное в значении ‘из дикой розы’. На наш взгляд, для такой интерпретации нет особых оснований. «Неочищенные пруты» фигурируют в тексте как орудия пытки (с их помощью сдирали кожу с истязаемого, см. далее описание мучения: л. 260, 8–13). Ветки гранатового дерева в этом качестве — распространенная деталь в византийских мартириях, например в Мучении Акепсимы, Иосифа и Аифала в Метафрастовской редакции, 14.2; 18.4; 53.1 по изд. [Delehaeye 1905]; Ливии, Евтропии и Леониды, 7.44 по изд. [Halkin 1958] (примеры взяты нами из TLG). Тем более трудно согласиться с аналогичной трактовкой авторами словаря [ССЯ, 4: 922] лексемы *шипъчїє* в версии Йоила, изданной Н. Л. Туницким (см. раздел 3.3, примеч. 33).

примеры из болгарских и сербских памятников см. в [Miklosich: 1134]. Судя по письменным источникам, в этих языках слово *шипъкъ* было основным названием граната, хотя в качестве раритета в ранних памятниках встречаются и другие наименования (см. раздел 2.2).

Объяснение синкретизма названий двух столь, казалось бы, разных растений подсказывается этимологией: и роза, и гранат имеют колючки. Дополнительную роль могло сыграть сходство плодов по цвету и форме (особенно завязи граната с ягодой шиповника), да и общего облика растений: ведь гранат, особенно дикорастущий, — это скорее большой куст, чем дерево. Наконец, не исключена и семантическая калька под влиянием среднегреческого языка, в котором названия розы и граната звучали похоже.

Если шипы — непременный атрибут розы в стереотипном образе этого растения, то в число основных характеристик граната колючесть как будто бы не входит. Нам, гиперборейцам, для которых гранат — заморский фрукт на полках супермаркетов, это обстоятельство может быть и вовсе неизвестно (например, авторы настоящей статьи прежде о нем не подозревали). Иначе обстоит дело в странах (в том числе на Балканах), где гранат растет на обочинах дорог и представление о нем включает тактильный опыт. Характерным свидетельством может служить аллегорическая интерпретация граната в толковании на Песнь песней Григория Нисского, где данное неудобное свойство диалектически переосмысливается как достоинство, неизменно сопутствующее добродетели и обеспечивающее ее сохранность:

Гранатами называет деревья, которые насаждает слово, исходящее из уст невесты. Ибо гранат труднодоступен для вора — он выпускает колючие шипы, а плод его заключен в защитную оболочку, жесткую и горькую; когда же он в свой час созреет, скорлупа трескается и он являет свою внутренность, сладостно-стройную на вид и подобную чистейшему меду на вкус, улаждающую гортань наподобие винной влаги. Потому, полагаю, слово, исходящее из уст невесты, возвращает гранатовые сады в душах услышавших его, дабы мы научились проводить эту жизнь не расслабляясь в праздной неге, но выбирая суровую сдержанность, — ибо тогда недостижим будет для вора плод добродетели, укрепленный жесткой оболочкой самообладания, и скромным и строгим поведением, словно шипами, язвящий всякого, кто приближается с дурными намерениями¹¹.

Вероятно, общеславянское название шиповника-розы было перенесено в южнославянских языках на гранат, чему, как было сказано выше, могло способствовать сходство названий этих растений у грекоязычных соседей

¹¹ Наш перевод греческого оригинала по изданию Н. Langerbeck, Gregorii Nysseni opera, vol. 6, p. 282.10–283.6 (доступного нам в TLG).

балканских славян. Однако, в отличие от южнославянского *шипъкъ*, греческие названия розы и граната этимологически не имеют ничего общего, они лишь сблизились в силу фонетических изменений именно в среднегреческий период, и впоследствии эта омонимия была устранена. Здесь стоит сделать небольшое отступление от славянской темы и показать ход этих процессов, тем более что греческий материал понадобится нам и в дальнейшем.

‘Гранат’. Происхождение древнегреческого слова *ῥόα*, позднее *ῥοία* сущ. ж. ‘гранат (дерево и плод)’ неясно, есть две версии: одна предполагает раннее заимствование, другая — связь с греч. глаголом *ῥέω* ‘течь’ [Chantraine: 976; Beekes: 1289]. Диминутив к *ῥόα* в знач. ‘плод граната’ — *ῥοῖδιον* (сущ. ср.) — фиксируется уже у Менандра и в папирусах [LSJ, s.v.]; позднее диминутивное значение утрачивается, образование *ῥοῖδιον* вытесняет *ῥόα* в значении ‘плод’. При этом уменьшительный суффикс переосмысливается как часть основы, а гласный *ι* перед *δ* может выпадать. Отсюда новогреч. *ῥόδι*, димот. *ῥοῖδι*, *ῥοῖδο* ‘плод граната’; новый диминутив — новогреч. *ροῖδάκι* ‘маленький гранат’. Димитракос [12: 6422] отмечает диминутив *ῥοδίτζιον* у Феодора Продрома — это значит, что утрата диминутивного значения у *ῥοῖδι* имела место уже в среднегреческом. От *ῥοῖδιον* образовано *ῥοῖδέα* ‘гранатовое дерево’ (в византийских текстах — главным образом в монастырских документах — начиная с XI в.), имеющее продолжение в новогреч. *ροῖά*, димот. *ροῖά* (ж.). Вытеснение основы *ῥο-* новой *ῥο(ι)δ-* можно наблюдать и в византийской лексикографии: если в IX в. Фотий еще объясняет слово *ῥοῖδια* (очевидно, мн. ч. от *ῥοῖδιον*) через *ῥοάς* (асс. pl. от *ῥο(ι)ά*)¹², то лексикон Псевдо-Зонары XIII в. уже определяет *ῥόα* через *ῥοῖδέα*¹³. Другой диминутив от *ῥόα* — *ῥοῖσκος* — встречается начиная с Септуагинты как название культовых реалий (см. раздел 3.2).

‘Роза’. Др.-греч., ср.-греч. *ῥόδον*, эол. *βρόδον* ‘роза (растение; цветок)’. На основании эолийской формы (*βρόδον* < **βρόδον*) это слово считается восточным заимствованием, предположительно из арм. *vard* (из др.-иран. **urda-*) [Chantraine: 977; Beekes: 1290]. От *ῥόδον* по стандартной модели для названий растений образовано др.-греч., ср.-греч. *ῥοδέα*, *ῥοδέη*, также стяженная форма *ῥοδή* ‘розовый куст’. Оба слова присутствуют в новогреческих словарях, но в разговорном языке малоупотребительны — вместо них используются новые слова, соответственно *τριαντάφυλλο* и *τριανταφυλλιά* (букв. ‘тридцатилистник’), которых не было в древнегреческом: они распространены в текстах с элементами живого среднегреческого языка (Ахиллеида, Дигенис Акритис и др.), хотя первая фиксация этих

¹² [Porsons 1822: 491].

¹³ [Tittmann 1808: 1619].

слов относится к концу X в.¹⁴ Этим словам предшествовала форма с классическим вариантом первой части композита — *τριακοντάφυλλον*, первоначально, видимо, прилагательное при *ῥόδον*¹⁵. Слово *τριακτάφυλλο* заимствовано как основное название для розы современным украинским языком — *троянда*; в болгарском в числе других названий фигурирует *трендафил*. В древнерусском материале уникальный пример аналогичного грецизма есть в древнерусском переводе Жития Василия Нового (Егор. 162, л. 1226.21): *цвѣта триандафиличьна* (*ῥόδου τριακονταφύλλου*) [Пентковская и др.: 521]. Окончательному исчезновению в новогреческом старого слова *ῥόδον*, вероятно, препятствует огромное количество сохраняющихся в современном языке композитов и производных, таких как *ῥόδονερο* ‘розовая вода’, *ῥόδοειδής*, *ῥόδινος* ‘розовый (в разн. знач.)’, *ῥόδεος* ‘то же’, *ῥοδίζω* ‘розоветь’; *ῥοδώνας* и *ῥοδωνία* ‘розарий (цветник)’, и т. д. [Димитракос 12: 6422–6424; МЕЛ 1009].

Как можно видеть, трансформации греческого названия граната в итоге привели к его омонимии со словом ‘роза’. Возможно, это и послужило причиной вытеснения старого обозначения розы новым в современном языке.

2. Конкурирующие названия для розы и граната до XVIII в.

2.1. ‘Роза’

Родъ, рода, родонъ. Заимствование из греч. *ῥόδον* с различным морфологическим оформлением sporadически встречается в исконно русских текстах до XVIII в. В ранних переводах отмечены формы ж. р. *рода* — в Житии Андрея Юродивого (стр. 1397, [Молдован 2000: 227], далее — ЖАЮ), Житии Василия Нового (л. 99в.14, 183а.25 [Пентковская и др.: 459, 689], далее — ЖВН), Огласительных поучениях Феодора Студита [СДРЯ 10: 400] и м. р. *родъ* (Заветы 12 патриархов [СлРЯ XI–XVII, 22: 183]). В более поздних текстах (у Максима Грека и в Алфавите XVII в.) отмечается также *родонъ* [СлРЯ XI–XVII, 22: 190]¹⁶. В переведенном в Новгороде в 1705 г. греческом сочинении по садоводству (Книга зовома земледельательная... БАН, 34.5.23) слово *рѡды* (И. мн.) уже снабжено на полях толкованием *шипкѣ* (л. 47 об.).

¹⁴ Patria Constantinopolis: Scriptorum originum Constantinopolitanarum, rec. Th. Preger. Leipzig 1901–1907, p. 215, l. 17: *τριακτάφυλλα*.

¹⁵ Оба варианта есть в двух редакциях Жития Василия Нового, 5.25, 7: в ранней редакции — прилагательное в сочетании *ῥόδου τριακονταφύλλου* [Пентковская и др.: 520], в поздней — субстантив *τριακονταφύλλου* [Sullivan et al.: 476].

¹⁶ См. также примеры из Азбуковников Сергия Шелонина и Давида Замарая в базе данных PhytoLex: <https://phytolex.eusp.org/?text=%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%BD%D1%8A&yearStart=1000&yearEnd=1900>

Таким образом, греческому названию не удалось прижиться на русской почве, да и сами попытки ввести это слово в восточнославянскую книжность были относительно робкими. В тех же раннедревнерусских памятниках, где обнаруживается *рода*, исходное *ródon* гораздо чаще передается обобщенным словом *цвѣтъ*, к которому могут добавляться прилагательные *красный*, *чървленый* и даже *триандафиличънъ* (о последнем см. раздел 1). Например, в ЖВН из 16 примеров *ródon* 13 передано словом *цвѣтъ* и его производными, в том числе с уточняющими прилагательными; в ЖАЮ, помимо указанного случая, дважды представлено *цвѣтъ чървленъ* и (в соответствии с *kríva kaì róda* 5970) просто *цвѣти*. Примечательно, что для «крины» тоже используется родовое обозначение *цвѣтъ* или *цвѣтъ бѣль*. В ЖВН имеется один пример (*цвѣтъ*: ἀνθέων κρίων 13264), при более обычном *кринъ* (65623, 95a20, 110621, 117г17, 122623, 123в21, 13264), а в ЖАЮ это все контексты с *krívon* в оригинале (75, 744, 1110, 5970); *кринъ* в этом тексте отсутствует. Надо заметить, что в обоих житиях «розы» и «лилии» присутствуют исключительно в условно-абстрактном качестве, в видениях рая или в сравнениях, например при описании ангельских ликов, а в ЖАЮ постоянно образуют пару *цвѣты червлены и бѣлы* — в сущности, меризм для обозначения райских цветов. Такая переводческая стратегия налицо и в южнославянских переводах: например, в Изборнике 1076 г., состоящем из болгарских переводов, переписанных на Руси, в соответствии с *róda* тоже выступает *цвѣтъци* (л. 70 об.).

Рожѧ. Лат. *rosa* было заимствовано в большинстве славянских языков с фрикативным [ж], гласный в основе может быть *о* (словен., луж., рус. диал., укр.) или *и* (болг. диал., с.-х., пол., чеш., словац., полаб., бел.), но вторая форма может быть результатом позднейшего развития, ср. форму с *о* в Люблянском хорватско-глаголическом breviarii конца XIV в.: *ц'вѣтъ рожѧ в вѣрѣ х<ристов>ѣ ц'ватеть* (цит. по [ССЯ, 3:647]). В болгарском значение 'роза' не отмечено, болг. диал. *ружа* — 'алтей' (*Althaea*), 'мальва' (*Malva alcea*), а также др. растения. Значение 'мальва' представлено и в современном украинском *рожа* [СУМ, 8: 598] (при устаревшем 'роза', совр. станд. *троянда*, но также *роза*, в том числе в составе ботанической номенклатуры [СУМ, 8: 600; ЕСУМ, 5: 104]). Болг. *роза* заимствовано из русского или какого-то романского языка [БЕР, 6: 306, 338].

Судя по распространенности в русских диалектах (рус. диал. *рожа* 'роза' — в смол., брян., кур., ворон., дон.; 'шиповник' — в брян.; 'мальва' — костром., ворон., брян., орл., сибир. [СРНГ, 35: 147]), слово *рожа* 'роза', в принципе, имело шанс войти в литературный язык, подобно тому, как это произошло в других славянских языках. Помешать этому могло наличие в русском омонима *рожа* 'лицо, вид' (без аналогов в славянских языках, см. [Фасмер, 3: 492]). В современном литературном языке удержалось лишь

вторичное значение ‘кожная болезнь’ (этот семантический переход произошел еще на западнославянской почве).

В древнерусской книжной традиции это слово засвидетельствовано начиная с Геннадиевской Библии 1499 г., где оно используется в тексте Книги Премудрости Соломона: *вѣнчаемъ насъ рожами прежде неже съгниють* Прем. 2:8. Книгу Премудрости перевел с латыни доминиканец Вениамин, по происхождению чех [Ромодановская 1999] или хорват [Wimmer 2005: 94–95], чем объясняется выбор слова *рожа* вместо уже распространившегося в русско-церковнославянской библейской традиции слова *шипокъ*. Отметим еще примеры из текстов XVI–XVII вв. в КДРС: *рожи в дровѣхъ присаживаемъ* Травник в пер. Николая Любчанина (Булева) (1534), 545; *на грѣхъ жень сыплють фіалки, рожи, крини* Симеон Полоцкий, Беседы против протестантства, 289 об. — 290; *въ Виноградномъ саду посѣяно... ½ ф. рожи немецкой красной* Забелин, Домашний быт русских царей, ч. 1, 543 (документ датирован 1677 г.); *сѣвълла всегда в руках своих цвѣтъ рожу носѣ* Спафарий, О сивиллах (1672), 41.

Эквивалентность слова *шипок* с лат. *rosa*, греч. *ῥόδον* и (украинским и русским) словом *рожа* подтверждают также «Лексикон славеноросский» Памвы Берынды, «Лексикон латинский» Епифания Славинецкого, «Лексикон трехязычный» Федора Поликарпова и выполненный на рубеже XVII–XVIII вв. перевод лексикона Влаха [Ховрина 1999: 308–310]; другие старорусские примеры указаны в [Зализняк 2019: 177]. Добавим, что история этого слова продолжается в литературном русском языке и на протяжении всего XVIII в.: тройка синонимов *роза*, *шипок*, *рожа* передает французское *rose* в «Dictionnaire complet François et Russe» еще в 1786 г. и выступает s.v. *рожа* (со ссылкой на перевод Дамаскина) в «Дополнениях к церковному словарю» П. Алексеева (1776). Многократно упоминается *рожа* как терминологическое обозначение цветка (садового или дикого) и в «Экономическом магазине» 1782 г., и во «Всеобщем и полном домоводстве» В. А. Левшина 1795 г. (по [НКРЯ]); в обоих этих изданиях часто фигурирует и *роза*, так что *рожа*, вероятно, имеет значение ‘мальва’, как в части русских диалектов и в украинском. Впрочем, в новую русскую поэзию как эквивалент западноевропейского барочного понятия *рожа*, в отличие от *шипка* (см. подробнее раздел 5), почти не успела попасть: ср., например, у переводчика, филолога и писателя петровской эпохи И. В. Пауса (Паузе) [Ненарокова 2015: 37]: *Почасте ты рожам*¹⁷ *подобна, Почасте и кропивам*

¹⁷ Учитывая сильную силлабо-тоническую тенденцию виршей Пауса, не исключено, что здесь следует видеть отражение ударения *рожа́м* (при том что в старорусских акцентуированных памятниках *ро́жа*, *ро́жи*, что для слова такого происхождения ожидаемо), но это ненадежно.

ровна. Но уже в стихах Кантемира или Тредиаковского *рожа* — это только несимпатичная физиономия.

Свороборина. Т. К. Ховрина отмечает [1999: 309] также засвидетельствованное в лексиконе Влаха в том же синонимическом ряду слово *свороборина*, представленное с вариантами в значении ‘роза, шиповник’ в разных источниках XV–XVII вв. [СлРЯ XI–XVII, 23: 195–196], в частности передающих народную речь, такими как записанный во Пскове словарь Т. Фенне (Фонне). Добавим сюда пример из конского лечебника XVII в. [Ипполитова 2011]: *Аще коня овод ест, возми свороборины ягоды да розотри в воде*. В переводных текстах *свороборина* может передавать в том числе польское *róža* (например, в Назирателе или выполненном в 1677 г. переводе Хождения Радзивилла Сиротки). Любопытный казус представляют приведенные в [СлРЯ XI–XVII, 23: 195–196] примеры из Проскинитария святых мест Иерусалима Арсения Каллуды, переведенного на славянский в 1686 г. учеником Епифания Славинецкого Евфимием. В первом примере в греческом тексте речь идет о медных украшениях в виде плодов граната (ῥόδια γλυμμένα) на столбах в храме Соломона, во втором — о плодовых деревьях — яблонях и «прекраснейших видом гранатах» (δένδρα καρποφόρα ἥτοι μῆλα, καὶ ῥόδια ὠραιότατα εἰς τὴν θεωρίαν), растущих «вкруг Мертвого моря»¹⁸. В обоих случаях в греческом тексте использована среднегреческая форма названия граната — ῥόδιον. Евфимий спутал ее со словом ῥόδον ‘роза’ и соответственно перевел как *свороборина*.

Слово восходит к корню со значением ‘зуд, чесотка’ и родственно *свербеть* — таким образом, оно также мотивировано колючестью растения. Помимо основной формы *свороборина*, в [СлРЯ XI–XVII, 23: 97, 113; 24: 75, 80] зафиксированы варианты *сварабовина*, *свероборинник*, *сербино дерево*, *сереборинник* (*серебар-*, *серобар-*, *серобор-*). Они сохраняются и в русских диалектах последних двух веков, причем параллельно появляются формы с дальнейшими видоизменениями основы *-сербер-* / *сербар-*, *сербел-* / *сербал-* / *сербол-*, см. [Даль, 4: 174] s.v. *сербалина*, [Анненков 1878: 300] s.v. *Rosa*, *Rosa canina*, [СРНГ, 36: 234, 327; 37: 181, 195, 196].

2.2. ‘Гранат’

Ро(и)дия (-е, -и). Это заимствование из среднегреческого фиксируется в древнерусском Толковом переводе Песни песней (ТПП)¹⁹, Истории

¹⁸ Προσκυνητάριον τῶν ἱερῶν τόπων ὅπου εὐρίσκονται εἰς τὴν ἁγίαν πόλιν Ἱερουσαλήμ... Ἀρσενίου... Καλλοῦδη... Ἐνετίησι, 1690. Σσ. 73, 170.

¹⁹ См. [Алексеев 2002: 94–120].

Иудейской войны (ИИВ)²⁰, ЖВН²¹, Житии Онуфрия²² и Хронике Георгия Амартола (ХГА)²³, а также в Летописце Еллинском и Римском, где в этом случае использован Амартол²⁴. Интересно, что данный пассаж Амартола представляет собой цитату из Втор. 8:8. В рукописной традиции библейского текста в этом месте неизменно читается *шипки* (см. раздел 3.3). Очевидно, переводчик ХГА не пользовался здесь библейским текстом.

Вариант *роидиа*, воспроизводящий более ранний вид греческого слова (до выпадения *ι* перед *δ*), встретился всего два раза — в ЖВН и ИИВ. В остальных примерах представлены формы без первого *и* в основе (*роди-*). Имеющиеся примеры не обеспечивают полной падежной парадигмы, формы не поддаются однозначной морфологической интерпретации. По-видимому, следует различать по крайней мере два слова, морфологически и семантически соответствующие разным греческим словам: 1) *родиа* ж. р. ед. ч. ‘гранатовое дерево’ — ср. р. *ῥοῖδιά* / *ῥοδιά* ж. р. ‘то же’. Оно же, возможно, употреблялось и в значении ‘плод граната’; и 2) *родие* ср. р. или *родии* м. р. ‘плод граната’ — ср. среднегреч. *ῥοῖδιον* / *ῥοδι(ον)* ср. р. Первое четко фиксируется в ТПП (комментарий к 4:13): *родию* (В. ед.) *дрѣва зоветь. родиа* (И. ед.) *же неоудобѣ выходно есть татемъ...* (*ῥόας ὀνομάζει*

²⁰ В Архивском хронографе (44064) читается форма *роидѣа*, в других списках — *родѣа* [Пичхадзе и др. 2004: 1, 296].

²¹ В рукописи Егор. 162, л. 69 г — *роидиа*; в издании [Пентковская и др.: 385] эта форма ошибочно интерпретирована как *рондиа*.

²² *блше же садомѣ онимѣ плоды финики. китра. родѣа...* (ἦσαν δὲ τῶν δέντρων ἐκεῖνων οἱ καρποὶ φοῖνικες, κίτρα, ῥόαι). К чтению *родѣа*, представленному в наиболее надежных списках памятника, имеется вариант *шипцы* в русских списках XV–XVI вв., а также разъясняющее добавление *неранца* в болгарском списке XVI в., относящееся, по-видимому, к сочетанию *китра. родѣа*, которое переписчик понял как ‘апельсин’ [Окерман Саркисян 2007: 178, сн. 17–18]. В списке кон. XVII в. — автографе ученого митрополита Досифея Сочавского слово *родѣа* написано в искаженном виде, но снабжено правильным пояснением на польском: *rogdua granatowe jabka* [Там же: 58].

²³ Унд. 1289, XV в. (л. 319): *и неуже стѣи земли бгогласныи гѣше мнѣси къ Іїлю: се гѣ бѣ твои в землю бѣгоу и многу. в неуже потоци водні и источници ѿ винограды и смоковница и ролиа на неи соу(т) и фоуникъ (...ἄμπελοι καὶ συκαὶ, ῥοαὶ καὶ φοῖνικες [De Boor: 708, l. 4]). В ХГА встречается *ролиа* ‘пашня’, в соответствии с греч. γεώργιον, γεωργία (63, 28; 48, 19), однако здесь это, несомненно, искаженное *родиа* ‘гранатовое дерево’. Ошибка восходит к протографу и воспроизведена во всех списках, учтенных в [Истрин, 1: 454]. Очевидно, форму **родиа* надо понимать как ед. ч. ж. р. Хотя в греческом тексте названия деревьев имеют форму мн. числа, в переводе использовано (в качестве синекдохи) ед. ч. (ср. соседние *смоковница, фоуникъ*).*

²⁴ [Творогов 1999, т. 1: 405]. Благодарим М. И. Чернышеву за указание на эту параллель.

τὰ δένδρα... ἡ δὲ ῥόα δυεπιχειρήτος ἐστὶ τῷ κλέπτη...); а также в цитированном примере из ХГА. Модель женского рода оформилась, с одной стороны, под влиянием греческого слова, с другой — по аналогии со славянскими названиями деревьев *яблонь*, *смоки* и т. п. В других примерах речь идет о плодах граната. В ТПП отмечаются как формы мужского либо женского рода — например, *родиѡ* В. мн. ТПП 4:13 (*родиѡ многоплодыа на вѣтвехъ процвѣтаѡ*), *родиѡ* Р. ед. 4:3 (*яко скоролоупла родиѡ — ѡς λέπτρον ῥόας*), — так и ср. р.: *родиа* Р. ед. (в стихе 6:7, повторяющем 4:3). В остальных текстах не используется др.-рус. окончание *-ѡ*, поэтому морфология еще менее ясна: встречаются написания И./В. мн. с окончаниями *-а* и *-а (а)*, причем второе преобладает²⁵. Даже если сделать скидку на то, что в рукописях *-а (а)* может выступать орфографическим вариантом *ѡ*, все-таки обилие написаний с *-а* означает, что эта форма чаще понималась как ср. р. Таким образом, налицо колебание между моделями среднего и мужского (либо женского) рода.

Грецизм *родиа* (*роидиа*) вошел в язык не через книжную культуру, а устным путем и принадлежал живой речи — на это указывает тот факт, что в греческих источниках славянских переводов ему всегда соответствуют классические ῥόα или ῥοῖσκος²⁶. В словарях современных славянских языков и диалектов ничего похожего на *родиа* не обнаруживается, поэтому об ареале распространения этого слова у славян мы можем судить только по данным письменных памятников. Из текстов, в которых фиксируется *родиа*, три — ТПП, ИИВ и ЖВН — древнерусские переводы, в ХГА совмещаются южно- и восточнославянские языковые черты, а перевод Жития Онуфрия был выполнен в Болгарии. Должно быть, это слово имело достаточно широкое распространение в XI–XII вв., поскольку фиксируется в произведениях этого периода, несхожих между собой в языковом и жанровом отношении. К XV–XVI вв. оно, вероятно, вышло из употребления: это видно по ошибкам писцов и синонимическим заменам²⁷.

²⁵ Например, в Житии Онуфрия в Тр. 764 (л. 93 об.) и МДА 94 (л. 218) — *родиа*, в других списках — *родиа*.

²⁶ Правда, в греческих рукописях, в том числе и в библейских списках, иногда встречаются новые среднегреческие образования — например, *ροῖα* в минускуле № 646, Втор. 8:8 [LXX Gott., III: 140], — но подобные случаи крайне редки и не могли послужить источником славянского заимствования.

²⁷ К приведенным примерам порчи (ХГА) и правки (в списках Жития Онуфрия) можно добавить другие. Так, в списке ТПП Рум. 28 слово *родиа* постоянно искажается: *раи есть яблочь радиаѡ. роди же многоплодыа также на вѣтвехъ процвѣтаѡ... родию дрѣва зоветь. родиа же неудобь въсходна юсть. таче образомъ терныа имать штроту* (ср. правильный текст ТПП в [Алексеев 2002: 100]).

Киселичие. [Срезн., 1: 1418] приводит (со ссылкой на словарь Востокова) единственный пример из пророка Аггея в библейских списках XV в. О месте этого соответствия греч. ῥόβα в истории славянских библейских переводов см. раздел 3.3. Других случаев употребления этого слова в славяно-русской письменности мы не обнаружили. Очевидно, оно служило названием граната в каких-то древнеболгарских диалектах, но в современных южнославянских языках это значение не представлено: различные производные от **kysel-* обозначают главным образом щавель и другие травянистые растения; есть также болг. *киселица*, *киселка* ‘кислое яблоко’ [БЕР, 2: 385; Геров 2: 440]; макед. *киселачка* ‘кислое дикое яблоко’ [PMJ 1: 329]; с.-х. *кѝселка*, *kiselka*, *kiselina*, *kiseļača* ‘сорт кислых яблок’ [PCX: 495; RJA, 5: 7]. Ср. аналогичные образования в русских диалектах [СРНГ, 13: 227–233].

Калина — перенос названия калины (*Viburnum opulus*) на гранат, сохраняющийся в болгарских диалектах и сейчас [Геров, 2: 339; БЕР, 2: 169]. Слово засвидетельствовано в Палее исторической — переводе не позднее XII в., южнославянского происхождения, дошедшем в русских списках XV–XVII вв. [Попов 1881: 93]: *и шедше обрѣтоша пло(д) дрѣвны калины, гдоуна и гроздѣа. тако такова не соуть въ иномъ(!) земли. паче соущества бо бѣхоу великы. гроздѣ бо два моужа носахоу. такоже и калинны, и гдоуна* (пересказ эпизода об экспедиции лазутчиков в Ханаан из Чис. 13:23). То же в русской редакции Палеи [Там же: 60]. [Срезн., 1: 1182] приводит этот контекст без толкования, а в [СлРЯ XI–XVII, 7: 36] он ошибочно помещен под значением ‘ягоды калины’.

Малогранатъ — слияние в одно слово латинского названия граната — *malum granatum*²⁸, заимствованное, очевидно, через польское посредство, ср. старопольск., польск. устар. *malogranat* [SP XVI, 13: 57; SJP, 2: 858]²⁹. Параллельно с *malogranat* в старопольском существовала полукалька латинского названия — *granatowe (granowite) jablko*, позднее появилось одиночное сущ. *granat*. Соответствующие названия в русском языке — *гранатовое (грановитое) яблоко* и *гранат* — также происходят из польского [Аникин, 12: 37]. Эти три варианта латинизма последовательно вытесняли друг друга как в польском, так и в русском языке, где первый из них представлен совсем скудно, единичными примерами из памятников до XVIII в. В [СлРЯ XI–XVII, 9: 16] приводятся контексты из Назирателя — сельскохозяйственного трактата, переведенного с польского в конце XVI в.: *малогранаты / малагранаты* (мн. ч.).

²⁸ Впрочем, и в средневековой латыни существовала слитная форма *malogranatum* — например, в Вульгате, 1 Цар. 7:18.

²⁹ Такое же слово есть в сербохорватском, с фонетическими изменениями: *мало̀гранъ* [PCX 12: 40]; *molgranj* [Skok 2: 451] — например, *мо̀лгранъ* в хорватском переводе Песни песней (не позднее XV в.) [Алексеев 2002: 35–39].

Другие примеры обнаруживаются в библейских переводах. Это, во-первых, Геннадиевская Библия: в 2 Пар. 3:16 и 4:13 находим *малограната* (И. мн.). Данную форму можно считать окказиональным западнославянизмом: книги Паралипоменон для Геннадиевской Библии переводил с латинского оригинала тот же Вениамин, которому принадлежит перевод Премудрости Соломона. Но есть свидетельство того, что в Западной Руси этот латинизм был освоен живым языком: в западнорусских переводах с еврейского оригинала Песни песней, датируемых XIV в. или ранее, евр. *rimmôn* ‘гранат’ регулярно передается формой *мар'грамъ* [Алексеев 2002: 137–154]. Судя по фонетическим ассимиляциям, это устное заимствование. Самый поздний пример, зафиксированный в КДРС, содержится в Козмографии 1655–1667 гг. (глава с описанием Мексики): *есть овоци малагрáнита несказанное множество* [КДРС, Козм., 400].

Чтобы разобраться в том, как сосуществовали эти разнородные названия розы и граната, прежде чем их вытеснил *шипокъ*, необходимо обратиться к истории славяно-русского библейского текста.

3. Библейские контексты: оригиналы и славянские переводы³⁰

3.1. ‘Роза’

В еврейском тексте Библии (Танахе) роз нет. Правда, высказывалось предположение, что слово *šôšannāh*, которое традиционно понимается как «водяная лилия», в Песне песней 2:1 означает розу, поскольку в Таргуме оно переведено как *warda* ‘роза’, но этот аргумент не признается убедительным.

³⁰ Материал славянских версий библейского текста взят нами из следующих источников. Контексты из древнеболгарских переводов Восьмикнижия проверены по двум группам рукописей, упоминающихся в [Алексеев 1999; 2002; Пичхадзе 1996]: южнославянским — РГБ, Сев. (ф. 270/II) 1 (1431 г.) и Григ. (ф. 87) 1 (1684 г.); русским — РГБ, Тр. (ф. 304) 1 (XIV в.) и 44 (XV в.), Вол. (ф. 113) 8 (1493 г.), 9 (кон. XV в.) и 12 (XVI в.), Унд. (ф. 310) 1 (посл. четв. XV в.), Рум. (ф. 256) 27 (кон. XV — нач. XVI в.), 28 (XVI в.), 29 (XV в.), 31 (XV в.), МДА (ф. 173) 12 (посл. четв. XV в.), Библия Матфея Десятого 1507 г. (по фототипическому изданию [БМД]); контексты Пророков — по Рум. 29; текст Сираха — по РНБ, F.I.461 (XIV в.); различные переводы Песни песней цитируются по [Алексеев 2002]. Для полных библейских сводов приняты сокращения: ГБ — Геннадиевская Библия (цит. по фототипическому изданию рукописи ГИМ, Син. 915: М.: Изд-во Срегенского монастыря, 2019), ОБ — Острожская, ЕБ — Елизаветинская (по изд. 1751 г.); еврейский масоретский текст — МТ; греческая Септуагинта — LXX. В случаях, когда нумерация глав и стихов греческой и славянской Библии отличается от традиции еврейского текста, указываем номера по Синодальной Библии и в скобках — по LXX.

В предшествующей Таргумам греческой версии — Септуагинте для *šōšannāh* используется устойчивое соответствие κρίνον. В иврите название розы — *wered* — появляется только в раввинистический период и имеет происхождение, общее с греч. ῥόδον (см. раздел 1). Как и араб. *warda*, это персидское заимствование, да и само растение было завезено в Палестину из Армении или Персии [Эйделькинд 2015: 292]³¹.

В библейский текст в его бесчисленных версиях, распространившихся на Западе (включая латинские и произошедшие от них), упоминания розы были внесены создателями греческого текста. В Септуагинте ῥόδον встречается пять раз:

1) Премудрость Соломона — текст, возникший сразу на греческом языке; здесь розы присутствуют в пассаже вполне анакреонтического свойства:

στεψόμεθα ῥόδων κάλυξιν πρὶν ἢ μαρανθῆναι ‘увенчаемся роз бутонами, пока они не увяли’ (Прем. 2:8);

2) Книга Есфирь. Греческие переводчики, расцветив описание пиршественного зала в царском дворце, не забыли усеять его розами:

καὶ στρωμναὶ διαφανεῖς ποικίλως διηριθσμέναι κύκλῳ ῥόδα πεπασμένα (Есф. 1:6) ‘и разноцветные прозрачные покрывала, рассыпанные кругом розы’ (по так называемой Древней версии; во второй, Лукиановской версии, в текст добавлено только καὶ κύκλῳ ῥόδα)

3–5) Книга Иисуса сына Сираха, к которой есть лишь частичные еврейские параллели. В Септуагинте в тексте этой книги розы упоминаются трижды: Сир. 24:14, 39:13, 50:8. Еврейский текст есть только в последнем случае, и он отличается от греческого:

kānūš bə’anpē bīmei mōēd, ‘как цветок на ветках в праздничные дни’ [Beentjes: 89].

LXX: ὡς ἄνθος ῥόδων ἐν ἡμέραις νέων, ‘как цветок роз в праздник первых плодов’.

В Вульгате во всех этих местах находим слово *rosa*.

В славянских версиях этих книг, бывших в обращении на Руси, ситуация следующая. В Сирахе, известном на Руси в мефодиевском переводе

³¹ Любопытно, что в западнорусских переводах Песни песней с еврейского оригинала, выполненных в нач. XVI в., *šōšannāh* последовательно передается словом *роза*, см. издание этого текста в [Алексеев 2002: 144–161] (стихи 2:1, 2,16; 4:5; 5:13; 6:2). Очевидно, при переводе использовался Таргум. Во всех остальных славяно-русских переводах, изданных А. А. Алексеевым, неизменно находим греческое заимствование *кринь* (за исключением стиха 6:2 в Толковом переводе, где, видимо, по случайности в тексте оказались гранаты вместо лилий, см. ниже).

(например, в болгарском списке XIV в. РНБ, F.I.461), — ожидаемое *шипъкъ*. В Премудрости Соломона, впервые переведенной для ГБ с латыни, *róðov* передано словом *рожа* (см. раздел 2.1). В древнерусской Есфири контекста с розами, естественно, нет — этот перевод был выполнен с еврейского масоретского текста и в таком виде был известен вплоть до составления ГБ, где его дополнили переводами недостающих глав с латыни, но старый перевод (в который входит интересующая нас глава 1) при этом не правился.

3.2. ‘Гранат’

Евр. *rimmôn* (רִמּוֹן) — слово неясного происхождения, видимо, заимствование [BDB: 941]. Оно встречается в Танахе в трех видах контекстов:

- 1) дерево Чис. 20:5, Втор. 8:8, 1 Цар.³² 14:2, Аг. 2:19, Ил. 1:12, Песн. 4:13, 6:11, 7:13;
- 2) плод Чис. 13:23, Песн. 4:3, 6:7, 8:2;
- 3) культовые реалии — украшения в форме гранатовых яблок:
 - а) медные гранатовые яблоки на капителях колонн в храме — 3 Цар. 7:18 (7:6) и 7:42 (7:28), 4 Цар. 25:17, Иер. 52:23, 2 Пар. 3:16, 4:13 (2 раза);
 - б) помпоны, или кисти, из шерстяных нитей на эфодее Аарона — Исх. 28:33–34; 39:24–26 (36:31–33), всего 7 раз; Сир. 45:9.

В LXX встречаются два эквивалента для *rimmôn*: *róba* — в большинстве контекстов, *róískos* — только в контекстах 3-го типа, причем не во всех. Распределение здесь такое: в контекстах с помпонами — лишь *róískos*, в контекстах, где медные «яблоки», — *róba*, за исключением Пар. 3:16, 4:13: *róískos*. Последние два случая немного портят картину, тем не менее выбор слова, видимо, определялся размерами этих предметов: маленькие помпоны обозначались как «гранатики». Кроме того, diminutiv мог быть использован для обозначения не точного соответствия форме, а некоторого подобия ей («как бы маленький гранат»). Контексты из Исхода — это два почти идентичных пассажа с подробным описанием вида и расположения помпонов на эфодее. В каждом из них слово *róískos* употреблено неоднократно, но в начале перед *róískous* добавлено выражение, которого нет в еврейском тексте: *ὡς ἐξανθοῦσης róbas* ‘как цветущего граната’. *Рóískos* считается неологизмом Септуагинты [Lust–Eynikel, s.v.], что лишний раз подтверждается этим добавлением, поясняющим необычное слово. Нескольким странным кажется здесь причастие настоящего времени *ἐξανθοῦσης*,

³² Для простоты обозначаем книги Танаха теми названиями, под которыми они известны в греческой и славянской Библии.

как будто речь идет не о плодах, а о цветках граната. В самом деле, кисти-помпоны должны были скорее походить не на созревший плод с жесткой кожурой, а на цветок или завязь граната с характерным пушистым пучком тычинок.

3.3. ‘Гранат’: стратегии славянских переводов

В славяно-русских библейских рукописях до XVII в. встречаются разные названия граната. Начнем с упомянутого выше гапакса *киселичье* в древнем мефодиевском переводе пророка Аггея, 2:19: *аще еще вѣно и смокви и киселичье и древа маслиннаа не творашаа плода ѿ сего дне сваша*⁸ (например, в Рум. 28, л. 266). В другом русском списке — Рум. 31 (л. 57 об.) — вместо *киселичье* читается искаженное *акы селичье*. В сборнике Матфея Десятого — *киселица* (л. 24 об.). Аггей относится к наиболее раннему, мефодиевскому слою древнеболгарских переводов в корпусе библейских текстов, распространявшихся на Руси. Возможно, к этому же древнейшему периоду в истории славянского библейского текста восходит чтение *киселичье* в одном из хорватских глаголических бревиариев, изданных Й. Вайсом (цит. по [ССЯ, 2: 98]): Иоиль 1:12 *киселичье и пиници и ѿблони*. Считается, что основу глаголических бревиариев составляют мефодиевский библейский текст, большая часть которого еще в Болгарии к XI в. была утрачена и заменена симеоновскими переводами, впоследствии воспринятыми на Руси. Текст Иоиля принадлежит именно к этому пласту ветхозаветного корпуса, так что в четких библейских списках, как южнославянских, так и русских, в указанном месте ожидаемо читается *шипчѣ* (например, РНБ, F.I.461, РГБ, Рум. 28) или *шипци* (например, ГБ)³³.

Остальные библейские переводы южнославянского происхождения демонстрируют устойчивость соответствия *рѣба* — *шипчѣ* в тех случаях, когда речь идет о дереве или плодах граната³⁴. Так, оно есть во всех контекстах мефодиевского перевода Песни песней³⁵, кроме стиха 4:13, где слово *рѣбѣн*

³³ [ССЯ, 4: 922] неверно, на наш взгляд, объясняет чтение *шипчѣ* в тексте Иоиля по русским спискам, изданным Н. Л. Туницким, как ошибку переводчика, спутавшего *рѣба* с *рѣба*: это объяснение не учитывает устойчивости соответствия *рѣба* — *шипчѣ* в той традиции, к которой принадлежат русские списки Пророков.

³⁴ Кроме 1 Цар. 14:2, где текст еще при переводе был изменен: в славянской версии Саул сидит не под гранатом, а под балдахином: *Σαουλ ἐκάθητο ἐπ’ ἄκρου τοῦ βουνοῦ ὑπὸ τὴν ῥάβαν* — *Саоуль сѣдаше подѣ сѣнїю на връхоу холма* (Вол. 12; *п(од) сѣнницею* Григ. 1; *подѣ сенцею* Рум. 28).

³⁵ Реконструкцию этого текста см. в [Алексеев 2002: 24–30], критическое издание — [Алексеев 1983].

просто выпущено; в Чис. 13:23, Ил. 1:12³⁶. Встречается и другая морфологическая модель — *шипъци* мн. ч. (Чис. 20:5³⁷, Втор. 8:8³⁸, Сир. 45:9³⁹). Изредка попадает ж. р. *шипка* — например, в южнославянском списке Рум. 29: Исх. 28:33 Р. п. *цвѣтъѣица шипкы* (л. 62 об.), Исх. 39:24 И. п. *процвѣтаѣица шипка* (л. 69г), в последнем стихе также в Унд. 1: *яко процвѣтаѣица шипка* (л. 67); вероятно, этот вариант не первоначальный, т. к. в других рукописях в этих местах читается м. р. Р. п. слова *шипокъ* — *цвѣтоуца (процвѣтаѣица) шипка* — и И. п. *процвѣтаѣици шипокъ*. В контекстах, где при существительном нет прилагательного, такие формы, как Р. мн. *шипокъ*, в принципе, могут относиться и к мужскому роду (И. ед. *шипокъ*), и к женскому (И. ед. *шипка*). Лексема *шипка*, там, где она представлена явно или предположительно, всегда обозначает гранатовое дерево: таким образом, можно говорить о тенденции дифференцировать плод и дерево с помощью разных морфологических моделей.

Прилагательное *шипъчанъ* использовано в Иез. 19:10: *мати твоа виноградъ. акы цвѣтець шипъчанъ на водѣ насажденъ* (например, Рум. 31, л. 202). Это место требует отдельного комментария. Дело в том, что в МТ текст испорчен: *kaggeṣen bəḏaməḳā*, что буквально отражено в Вульгате: *quasi vinea in sanguine tuo* ‘как виноградная лоза в крови твоей’. К чтению (כרמך) (*bəḏaməḳā*) есть вариант (כרמך) (*karməḳā*) ‘твоего виноградника’, который принимают некоторые интерпретаторы (например, в New English Translation, New English Version: *like a vine in your vineyard*); другие просто игнорируют испорченную форму, как это сделано в современных французских и немецких переводах, а также в русском Синодальном: *как виноградная лоза, посаженная у воды*. Наконец, иногда опираются на сильно отличающийся от МТ текст этого стиха в LXX: ὥς ἄνθος ἐν ροᾷ ἐν ὕδατι πεφύτευμένῃ. Д. п. *роа* можно понимать и как ῥόα (И. п. ῥόα ‘гранат’), и как ῥοή (И. п. ῥοή ‘ручей, течение’; встречается также дорийская форма ῥοά). Второе решение, как кажется, менее удачно (ἐν ῥοῇ ἐν ὕδατι — неуклюжий плеоназм), но именно оно принято в Современном русском переводе: *что лоза виноградника, посаженная у потоков водных*. Первое более правдоподобно, и так это место интерпретировано в Лукиановской редакции LXX и у Феодорита Киррского, где *роа* заменено Р. п. *ро(и)а*⁴⁰. Очевидно, этот вариант и отражен в древнеболгарском переводе, где Р. п. *роѣс* закономерно передан прилагательным *шипъчанъ*.

³⁶ В РНБ, F.I.461, Рум. 28 — собир. форма *шипчѣ*.

³⁷ Например, Сев.П.1, Тр.1, Вол.8, Унд.1.

³⁸ Тр.1, Тр.44, Вол.8.

³⁹ РНБ, F.I.461.

⁴⁰ [LXX Gott., 16.1: 170].

В контекстах, где ῥοα обозначает деталь на капители, древнеболгарские переводчики прибегали к интерпретирующему переводу, подбирая сравнения для обозначения круглой формы — *пѣзвы* или *очеса*:

δίκτυον καὶ ῥοαὶ ἐπὶ τοῦ γείσους κύκλῳ τὰ πάντα χαλκᾷ καὶ κατὰ ταῦτα τῷ στύλῳ τῷ δευτέρῳ ὁκτὼ ῥοαὶ τῷ πῆχει τοῖς δώδεκα πῆχεσιν. καὶ ἦσαν αἱ ῥοαὶ ἐνενήκοντα ἕξ τὸ ἐν μέρος καὶ ἦσαν αἱ πᾶσαι ῥοαὶ ἐπὶ τοῦ δικτύου κύκλῳ ἑκατόν Иер. 52:22	<i>мрѣжа злата. шсмь поузвъ въ лактъ ѿ.ти лакотъ. и бѣаше поузвъ девяьдесать и 5̄ едина страна. и бѣаше всѣхъ поузвъ въ мрѣжныхъ окрестъ ꙗ</i> Рум. 31, л. 304 об. — 305
τὰς ῥοὰς τετρακοσίας ἀμφοτέροις τοῖς δικτύοις δύο στίχοι ῥοῶν τῷ δικτύῳ τῷ ἐνὶ 3 Цар. 7:42 (7:28)	<i>и шчець же бѣше ѿ которѣже мреже. понеже шбрази блхѣ⁴¹ в которѣже до мрѣжи</i> Унд. 1, л. 227 об., МДА 12, л. 338 об., Вол. 12, л. 271
ῥοαὶ ἐπὶ τοῦ χωθαρ κύκλῳ τὰ πάντα χαλκᾷ καὶ κατὰ τὰ αὐτὰ τῷ στύλῳ τῷ δευτέρῳ 4 Цар. 25:17	<i>очеса на хорѣ окр(с)тъ всѧ мѣдана. и також на ѿ.мь столпѣ очеса шкр(с)тъ мѣданы</i> Унд. 1, л. 262 об., МДА 12, л. 389 об., Вол. 12, л. 382

В последнем примере в Григ. 1 (л. 372) вместо *очеса* читается *цвѣтве*. В 3 Цар. 7:18 (7:6) «цветы» вместо гранатовых яблок появились, видимо, еще в переводе, сильно отступающем в этом месте от греческого текста:

δύο στίχοι ῥοῶν χαλκῶν δεδικτυομένοι... καὶ οὕτως ἐποίησεν τῷ ἐπιθέματι τῷ δευτέρῳ ‘два ряда бронзовых гранатов, вставленных в сетку... и так же он сделал со второй капителю’	<i>двѣ подпорѣ мѣданѣ обитѣ мрежею тварию... такоже сътвори и главѣ столпомъ. ꙗко цвѣтцы оустроены</i> Унд. 1, л. 227, МДА 12, л. 331, Вол. 12, л. 269–269 об., Рум. 29, л. 241
---	--

Возможно, эти «цветы» связаны с соседним стихом 7:19 (7:8), где говорится не о медной сетке, подвешенной к капителям, а о самих капи-

⁴¹ Выбор другого славянского соответствия для ῥοῶν — *шбрази* сразу после ῥοὰς — *шчець*, вероятно, отражает неуверенность переводчика в правильности первого эквивалента. В южнославянской рукописи Григ. 1, где древний перевод был отредактирован, «глаза» заменены «колокольчиками» (л. 303 об.): *и шви́ць шбои(м) мрѣжамъ 8̄ два чина мрѣже единой.*

телях, имеющих форму лилии — ἔργον κρίνου, что передано как *вбразь цвѣтець*:

καὶ ἐπὶ τῶν κεφαλῶν τῶν στύλων ἔργον κρίνου 'на капителях колонн подобие лилии'	<i>и на главѣ сътвори столпома вбразь цвѣтець</i> Унд. 1, МДА 12, Вол. 12, Рум. 29, те же листы
--	---

Для облегчения восприятия перегруженного техническими подробностями описания оба элемента растительного декора обозначили общим словом *цвѣтець*.

В Григ. 1, л. 301, стихи 7:18–19 исправлены по греческому: *два чина цвѣтовъ мѣдны(х) при мрѣжи... и на главахъ стлѣново(м) (!) дѣло крина, по вбразь елама*. Славянский редактор сохранил неточное соответствие ῥοῶν : *цвѣтцы* из древнего перевода, хотя исправил *цвѣтець* : κρίνου на *крина*. На поле добавлены глоссы: к *цвѣтовъ мѣдны(х)* — *шипковиднѣи(х) цвѣтѣвъ*; к *дѣло крина* — *цвѣты криновиднѣи*.

Слово ῥοῖσκοι в значении 'помпоны на эфодѣ' передано в древнеболгарском переводе Исхода как *пѣгъвы* или *пѣгъвица*:

καὶ ποιήσεις ἐπὶ τὸ λῶμα... ὥσεὶ ἐξανθοῦσης ῥόας ῥοῖσκους... τὸ αὐτὸ δὲ εἶδος ῥοῖσκους χρυσοῦς καὶ κώδωνας... παρὰ ῥοῖσκον χρυσοῦν κώδωνα... Исх. 28:33–34 'сделай по подолу... как бы яблочки цветущего граната... одинаковые золотые гранатики и колокольчики между ними... рядом с золотым гранатиком колокольчик'	<i>да сътвориши на подолицѣ... яко цвѣтъица шипкы пѣгвица... въ тѣжде вбразь пѣгвичны. и златы свонца... ѡ поузве златы свонца</i> Рум. 29, л. 62 об. Ср. Унд. 1, л. 61 об., Тр. 1, л. 80 об. (с изменениями)
---	---

То же и во втором контексте из Исхода (Исх. 39:24–26 (36:31–33)), без вариантов в рукописях. Вероятно, слово *пѣгвица* для ῥοῖσκους было выбрано здесь, чтобы избежать повтора предыдущего *шипкы* (ῥόας). То, что слово ῥοῖσκος правильно понималось как диминутив от ῥόα, следует из Сир. 45:9:

καὶ ἐκύκλωσεν αὐτὸν ῥοῖσκοῖς χρυσοῖς κώδωσιν πλείστοις κυκλόθεν
РНБ, F.I.461 (л. 404 об.) *и окрѣжи его шипкы златыми звонцы многими окр(с)тъ*.

Если южнославянские переводы демонстрируют моноэквивалентность ῥόα — *шипокъ* в значении 'дерево или плод граната', то в древнерусском толковом переводе Песни песней всегда используется *родина* (для плода —

ср. р. *родик*е). Правда, в том виде, в каком этот перевод известен нам по имеющимся рукописям, он не покрывает всего объема книги: как это принято в катенах, библейский текст здесь сокращен. В 8:2 переводчик спутал слово *ῥόα* с *ῥοή* ‘течение, поток’ в форме мн. ч., которая у этих слов совпадает: *пѣтїа потока моего* (ἀπὸ ῥάματος ῥοῶν μου). Слово *родиа* есть только в стихах 4:3, 6:7, а в стихе 4:13 пропущено, видимо, вследствие гаплографии: *раи* [родии] *съ плодомъ* (παράδεισος ῥοῶν μετὰ καρποῦ). Однако оно постоянно фигурирует в толкованиях к этим стихам, в том числе к 4:13. В стихе 6:2 находим *родїа* вместо ожидаемого *крини*: *паствити в оградѣ(х) и събирати родїа* (κρίνα). Непонятно, почему этот стих оказался изменен в ТПП, однако нельзя согласиться с [Срезн., 3: 131; СлРЯ, 22: 183] в том, что в данном случае *родїа* означает лилию: в остальных контекстах памятника греч. κρίνον передается стандартным *кринь* (например, в соседнем стихе 6:3).

О прямых заимствованиях латинского *malum granatum* — *молѣгрань* в хорватском и *марѣграмъ* в западнорусском переводах Песни песней, *малограната* во 2-й книге Паралипоменон, переведенной с латыни для ГБ, — говорилось выше. Первые два слова обозначают собственно растение гранат, в 2 Пар. речь идет об украшениях на колоннах, эти стихи сокращенно воспроизводят 3 Цар. 7:18 (7:6) и 3 Цар. 7:42 (7:28). Все эти варианты в пределах каждого из текстов моноэквивалентны соответствующим лексемам оригиналов (*mala granata* в латинских версиях Песни песней и Паралипоменон, *rimtôn* в еврейском тексте Песни песней).

В Геннадиевской библии — своде, составленном в конце XV в. из разнородных и разновременных переводов библейских книг, — сконцентрированы все перечисленные названия как розы, так и граната: их не затронула редакция, которой в разной, но большей частью незначительной степени подверглись собранные в ГБ тексты. Здесь представлены и роза в виде *шипка* (Сирах) и *рожи* (Премудрость), и гранат в виде того же *шипка* (все контексты Восьмикнижия, Иоиль, *плодъ шипчанъ* в Иезекииле), *родии* (Песнь песней), *киселичия* (Аггей) и *малограната* (Паралипоменон). Подвески на колоннах — *поугвы*, *очеса* и *цвѣтци*; помпоны на эфодѣ — *поугви* (Исх.) и *шипки* (Сир.). По количеству контекстов *шипокъ* преобладает, но надо заметить, что в восточнославянских рукописях это слово нередко искажается. Например, в ГБ в Чис. 20:5 вместо него читается *пшеници*; в Тр. 44 в этом же месте — *шипци*, а в Исх. 28:33 — *шапка* вм. *шипка*, так же в Унд. 1; в МДА 12, Чис. 13:23 — бессмысленное *ѿ шипохъ*. Эти ошибки говорят о недостаточной освоенности слова русскими книжниками в XV–XVI вв.

Как известно, при подготовке первого печатного библейского свода на Руси — Острожской библии (1580–1581) была проведена большая работа,

направленная как на устранение ошибок перевода и других расхождений с греческим текстом, так и на приведение языка в соответствие с современными нормами церковнославянского и его унификацию. В основу был положен текст ГБ, но некоторые книги были серьезно переработаны, при этом использовались и греческий текст, и славянские версии, не вошедшие в ГБ [Алексеев 1999: 204–216]. Ситуация с нашими словами существенно изменилась в пользу *шипка*. Все его употребления в ГБ были сохранены. В Песни песней устранили *родии* и ввели *шипокъ* во всех контекстах с *рѡба* (а *родѣи* в 6:2 заменили на *кринъ*). Но в Аггее продолжало произрастать *киселичѣ*, а в 1 Цар. 14:2 Саул продолжал сидеть *подъ сѣнѣю*. В контекстах с медными подвесками и помпонами на эфде исчезли *цвѣтци*, *очеса* и, конечно же, экзотические *малограната*: в 3 Цар 7:18 (7:6) просто опущена фраза *акы цвѣтца оустроены*, в 3 Цар. 7:42 (7:28) и 4 Цар. 25:17 *очеса* исправлены на *шипки*, та же участь постигла *малограната* в 2 Пар. Не пострадали только *поугви* (*поугвица*) в Исходе и Иеремии. *Рож*а в Премудрости не подверглась правке. Есфирь исправили по греческому тексту, и в описании пира в главе 1 появилось добавление, правда, в довольно вольном переводе, но с розами-шипками: *и плащеницы съ пестротами различными, и тако израстающаа на нихъ ветвіа шипков*⁴¹.

Следующий этап унификации славянского библейского текста и его исправления по греческому наступил при создании Елизаветинской библии. В ЕБ подверглись правке все места, где ОБ отступает от греческого текста или имеет нестандартные соответствия для *рѡбон*, *рѡба* и *рѡбѡскос*. *Рож*ами в Премудрости заменили на *шипковыми цвѣты* — таким образом, для розы окончательно утвердилось название *шипокъ* (или прилагательное от него). *Поугвы* в Иер. 52:22–23 исправили на *шипки*; правда, в Исх. 39:24–26 (36:31–33) остались *поугвицы* (и там, где они были изначально, и там, где в предыдущих версиях читались *поугвы*). Но для *рѡба* было выбрано принципиально иные эквиваленты, которых не знала средневековая традиция библейского текста: *яблоко* и *яблонь*. *Подъ сѣнѣю* (1 Цар. 14:2) заменили на *подъ дрѣвомъ яблоннымъ*, *киселичѣ* (Аг. 2:19) на *яблонь*, в *питїа потока* (Песн. 8:2) на *ѿ воды яблокъ моихъ*. Более того: эта инновация проникла и в некоторые контексты с прежними *шипками*, хотя большая их часть осталась незатронутой. *яблоки* (*рѡба*) вместо *шипков* появились в следующих местах:

Чис. 20:5 *ни смокви, ни винограды, ниже яблоки*;
3 Цар. 7:6 (7:18) *два рада яблокъ мѣднѣныхъ сомрежены*;

⁴¹ В ЕБ этот стих приведен в полное соответствие с греческим текстом: *и плащеницы пестротами различными разцвѣчены, окрест шипкѣи разсѣяны*.

3 Цар. 7:42 (7:28) *ѡблоkwъ мѣднѣхъ чѣтырѣста обѣма мрежема, два рѣда ѡблоkwъ мрежи единой;*

Песн. 4:13 *раи с плодомъ ѡблочнымъ* (ср. ОБ: *сади шипковъ съ плодомъ*; LXX *παράδεισος ῥοβὺν μετὰ καρποῦ ἀκροδρύων*).

В 3 Цар. 7:6 (7:18) правка может быть связана с тем, что в предыдущих славянских версиях этот стих сильно отличался от греческого, к тому же в ОБ часть его опущена, так что справщики ЕБ должны были перевести все заново. Отсюда естественно было перенести *ѡблоки* в следующий пассаж этой же главы, где повторяется описание медных колонн. Но в Чис. 20:5 и Песн. 4:13 чистые случаи точечной замены старого слова новым.

Ѣблоко (ѡблонь) — это сочетание *ѡблоко гранатовое (ѡблонь гранатовая)* с опущенной второй частью. Как свидетельствует ЕБ, в первой половине XVIII в. гранат могли именовать и просто *яблоком (яблоней)* — причем такое словоупотребление должно было быть достаточно распространенным, чтобы им решились заменять *шипокъ* в библейском тексте. Возможно, впрочем, что редакторам ЕБ важнее было соблюдать принцип текстовой изометрии (когда одному слову оригинала соответствует одно слово в переводе) и ради него жертвовали конкретикой — опускали прилагательное, заменяя гранат обобщенным названием плода. Тогда из текста ЕБ следует лишь то, что одинокое сущ. *гранат* было еще непривычным. Слово сочетание *гранатовые яблоки* фигурирует в Синодальном переводе; в Современном русском переводе используется *гранат*.

4. Рецепция церковнославянского *шипокъ* в Новое время

Как уже видно из изложенного, характеристика «восходит к церковнославянскому языку, к религиозным текстам допетровской традиции», примененная Ф. Н. Двинятиным [2020] к лексеме *крин*, в полной мере справедлива и по отношению к русской лексеме Нового времени *шипок*. *Шипокъ* 136 раз встречается в (ново)церковнославянском корпусе НКРЯ (отметим, что *кринъ/кринь* почти вдвое частотнее — 269 вхождений), включая не только разбавившиеся выше елизаветинские редакции библейских переводов, но и составленные и переработанные уже в Новое время гимнографические тексты, особенно в составе стандартного обращения к различным святым (с вариантами) *Прощѣль еси ... ѡkw шѣпокъ*; нередко *шипокъ* соседствует в этом сравнении и с *крином*.

Фиксации интересующей нас лексемы в словарях XVIII–XIX вв. свидетельствуют о частичном забвении как ее формы, так и семантики, хотя она продолжала употребляться и в церковных, и, как увидим ниже, в светских произведениях. Несмотря на распространенное в библейском тексте

Третий фрагмент из Песни песней с этим словом (4:13 *Лѣтъврасли твоа садъ шипкѣвъ съ плодомъ яблочнымъ, кѣпри съ нардами; παράδεισος ῥοῶν μετὰ καρποῦ ἀκροδρύων, κύπροι μετὰ νάρδων*, букв. «сад гранатов с плодом плодовых деревьев, хенна с нардом») вольно переложен А. С. Пушкиным («Вертоград моей сестры...»). Слово *шипокъ* прямо не передано, но слова *у меня плоды блестят / наливные, золотые* показывает, что «розового сада» Пушкин изображать не считал нужным (а из конкретных фитонимов во всем отрывке привел только занимающие целую строку три ярких экзотизма *нард, алой и киннамон*). Помимо славянского текста он пользовался и французским; в современном Пушкину переводе de Genoude (1821–1824) нет роз, но нет, впрочем, и гранатов (хотя в Вульгате использовано название граната *malum punicum*), а есть апельсиновые (померанцевые) деревья и яблони с их плодами: *Un jardin d'orangers chargés de leurs fruits et mêlés au nard de Chypre et aux fruits des pommiers*.

И на рубеже тысячелетий это слово по-прежнему, как и в XV–XVI вв., относится для современного читателя к наиболее затемненной церковно-славянской лексике, о чем свидетельствует искажение в современных доступных в Интернете электронных текстах Елизаветинской библии *щипцы* (Втор. 8:8) вместо правильного *шипцы* (цит. по печатным изданиям 1751 и 1900 г.; ср. также *шипцы* в Острожской библии) от *шипокъ*. Как видим, это то же искажение, что в Чис. 20:5 в рукописи Тр. 44 (см. раздел 3.3)! Не исключено, что по таким электронным текстам могут появиться (если уже не появились) и печатные издания славянской Библии, где фигурируют *виногради, смикви и щипцы*. Этот ряд весьма напоминает первоначальное, до А. А. Зализняка, прочтение берестяной грамоты № 169, где «из рыбы» посылали «клещи» вместо лещей.

5. Шипок — попытка русского названия для барочно-анакреонтического образа

В русской литературе раннего Нового времени в соответствии со сложившимся в светской европейской культуре образом (садовой) розы (для которого, как и в языке в целом, утвердилось новое заимствование из лат. *rosa*, нем. *Rose*, фр. *rose*)⁴³ короткое время использовалось и слово *шипок*. Показательно его употребление в анакреонтике Антиоха Кантемира, где оно соответствует древнегреческому *ῥόδον*:

К чему ж благовонным мирром Мазать гроб мой и напрасно В землю лить драгие дары? Меня лучшие, пока жив я, Мажь, и, шипками

⁴³ О *роже* в виршах И. В. Пausa см. выше, раздел 2.1.

*венчав мя, Приведи мне красну девку, Любовь! прежде, нежель сниду
К подземным умерших танцам, Здесь хочу разбить я мысли* (Из Анакреонта, 1736–1742);

*Шипки с молоком смешавши, Тем напиши нос и щеки, Уста сделай
таковые, Что б все чувства побуждали И лобзания прощали* (О своей полюбовнице, 1736–1742).

Специально *шипок* и *розу* у Кантемира обсуждает М. Р. Ненарокова [2015: 37–41], справедливо указывая, что «контексты, в которых встречается роза-шипок у Кантемира, стали “общими местами” русской поэзии, и их происхождение связано не только с переводами из Анакреонта, но и со всей барочной традицией. Эти “общие места” позже будут восприняты и многократно обыграны в произведениях русских поэтов 19 века» [Там же: 38].

Кантемировский цикл анакреонтики включает отдельную оду «О шипке» (подражание стихотворению *Carmina Anacreontea* 55), где интересующее нас слово и производные от него употребляются многократно:

*С венценосною весною Вместе пою летний шипок. Ты, дружок, петь
помоги мне! Он бо свойственный богов дух, Он увеселенье смертных,
Благодам украшень Во время обильноцветных Любвей и Афродиты
Приятнейшая забава. Он попечение басней И музам цветок любимый,
Сладок же, хотя и колет Тому, кто из терний щиплет. Сладко его,
с стебля снявши, Мягкими нагрет руками, В пустом кулаке изведать,
Счастливы ль наши любви. И мудрецу он приятен; В пирах, на столах,
и в праздник Бахусов он же приличен. Что же без шипка быть может?
Ибо заря шипкоперстна, Шипколокотные нимфы, И шипконожна Венера
Зовутся от стихотворцев, Он пользует и болящим; Он и мертвым по-
могает; Он одолевает время, Приятна бо шипка старость Юношества
дух имеет. Но убо род его скажем: Когда с веселого моря Орошенную
Кифиру Пеною порождает Понтус И войнолюбну Минерву Выводил из
чела Йовиши, Зрелище, страшно Олимпу, — Тогда и красивый шипок,
Цвет земля процвела новый, Рождение многоцветно. Собор же богов
блаженных, Да шипок совершен будет, Нектаром помазав оный, Про-
извел великолепный И пахучий цвет из терний.*

Слово *роза* в оде не упоминается ни разу, но текст снабжен авторскими примечаниями, где этот же цветок именуется, напротив, только *розой* (соответственно используется прилагательное *розовый*): *Греки некогда для сего намерения употребляли розовые листы; Розы мешивали в тех бальзамах, коими мертвых обмазывали.* Таким образом, *шипок* в кантемировской ана-

креонтике воспринимается на фоне одновременно существующего слова *роза* и маркирован как поэтизм; при этом в научно-просветительской прозе Кантемира фигурирует новое заимствование (*роза* отмечена уже в проповедях Стефана Яворского), которое, как предполагается, читатели и должны употреблять в повседневной жизни как нейтральное. М. Р. Ненарокова констатирует наличие в языке Кантемира обоих обозначений (*шипок* и *роза*), однако указанное нами распределение имеет особое значение для функциональной нагрузки церковнославянизма *шипок* в кантемировском проекте нового литературного языка.

Ода «О шипке» в переводе Кантемира обращает на себя внимание передачей композитов, содержащих основу *ῥοδο-*. Всё это, как указано в тексте, устойчивые греческие поэтические эпитеты (об этом фрагменте в стихотворении СА 55 см. специально [Müller 2010: 257–258]): *заря шипкоперстна* (*ῥοδοδάκτυλος Ἥως*), *шипколокотные* (*ῥοδόπληχες*) *нимфы и шипконожна* (*ῥοδόχρους*, что, впрочем, значит просто «розовый», румяный») *Венера зовутся от стихотворцев*. Позже эти композиты будут передаваться на русский с начальным *розо(во)-*. Восходящий к Гомеру эпитет *розо(во)перстый* (в переводе Гнедича встречается пять раз, наряду с другими способами выражения) станет популярным в русской поэзии уже Серебряного века (Бальмонт, Брюсов, Вяч. Иванов, Блок, Андрей Белый). Прилагательное *розовоногий* войдет в моду еще позже и уже вне античного контекста (поздний Клюев, П. Васильев, Л. Лавров).

Отметим у Тредиаковского сочетание *кринна* как знака белизны с *шипком* как знаком «румяности».

Видит тогда он-лице жены велемощныя лепо, Гладко и-светло так, как-цветок, осиянный от-солнца. Кринна-бель зрится на-нем при-шипков румяности свежей (Тредиаковский. Тилемахида (1766)).

От слова *шипок* образовывалось прилагательное *шипковый* ‘подобный розе, составленный из роз’, известное и в более ранних текстах (в сочетаниях *вода шипковая, шипково масло, шипковый сад (вертоград)* [Ховрина 1999: 309], см. также выше, раздел 1). Оно также активно эксплуатируется в барочной топике:

Венера по ним несется, Как легкая бела пена В тихом море; свое тело Вплавь пуская, пред собою Гонит воды; частью тела, Что выше шипковых титек, Белыя ж шеи пониже, Сечет теперь вал великий, И так, как ландыш в виолках, Блещет бела плоть сквозь воду. (Антиох Кантемир. Из Анакреонта. О блюдце, на котором вырезана была Венус (1736–1742));

*Да не вас льстивых волков зло чадо Повреждает; Ты бо ей главу шипковым венцем Венчал красно*⁴⁴, *Да в лике богинь России концем Светит ясно* (Феофил Кролик. Epodos consolatoria (1730));

Звучащие комично для современного читателя *шиповые титьки* в экспериментальном галантном языке Кантемира, ставшем тупиковой ветвью развития — это на более позднем привычном наречии эпохи (пре)романтизма *розовые перси*⁴⁵ (ср. *Обняв грудь розово-лилейну, Садился с нею на траву*, Г. Каменев, 1795; отметим и здесь устойчивое сочетание, вплоть до слияния, шипка-розы с крином-лилией).

В эпоху классицизма *шипок* уступает свои позиции слову *роза* и в поэзии, и тем более в прозе, где его безальтернативно употреблял уже сам Кантемир (произведения Ломоносова, проповеди архиепископа Платона, переводы в разных жанрах и т. п.). Тем не менее редкие примеры слова *шипок* для обозначения розы на протяжении XVIII в. все же отмечаются. Нельзя не упомянуть уникальный источник, прямо и на языке науки отождествляющий *шипок* с *крином*: это русско-латинский ботанический словарь (с дополнительной кириллической транслитерацией латинских названий) «Дикционер, или Речениар, по алфавиту российских слов о разных произращениях, т. е. деревьях, травах, цветах, семенах огородных и полевых, кореньях, и о прочих былиях и минералах, собранный и сочиненный Императорской Академии наук асессором К. Кондратовичем» (СПб., 1780). К. А. Кондратович — плодovitый переводчик, лексикограф и поэт украинского происхождения (см. о нем

⁴⁴ Имеется в виду, что адресат послания Кролика, Феофан Прокопович, 28 апреля 1730 г. собственноручно короновал императрицу Анну Иоанновну (разумеется, не «венчиком из роз», а увесистой короной из почти трех тысяч алмазов, рубинов и турмалинов).

⁴⁵ В готовом виде словосочетание *розовые перси* пока нам известно только в поздних, ощутимо стилизованных текстах: например, в переводе Э. К. Пименовой (1913) романа Л. Браун «Письма маркизы», действие которого происходит в XVIII в., или в «Прогулках Гуля» М. А. Кузмина (1929): *Гули, гули, вы прильнули К персям розовым Киприды*. Ср. также в воспоминаниях А. В. Амфитеатрова (1923): «Какой-то фельетонист (кажется, пресловутый впоследствии Гурлянд) цитировал в своей статейке гомеровский, по Гнедичу, эпитет: “розоперстая Эос”. Влас [Дорошевич] вообразил цитату ошибочной и в «Московском листке» язвительно поправил: — Не *розоперстая*, милостивый государь, но *розоперсая*. С розовыми *персями*, а не с розовыми *перстами*. Откуда вы взяли, будто Гомер воображал Зарю прачкою с красными от стирки руками? И т. д., и т. д. Я, в то время работавший в “Новостях дня”, вступился за жертву, безвинно растерзанную Дорошевичем, говоря, что, дескать, все написанное Власом Михайловичем об Эос с розовыми персями, конечно, очень остроумно и поэтично, но... к сожалению, у Гомера-то именно так оно и стоит: *rododaktylos Eos*, Заря с розовыми пальцами, *розоперстая Эос*!.. И было же у нас двоих потом совместного смеха!..»

[Никишин 2003]) — начал работу над словарем и даже в значительной степени осуществил ее еще за 50 лет до публикации, поэтому речь идет, возможно, об источнике, современном Кантемиру. Во всяком случае, известно, что языковая манера Кондратовича вызывала еще на протяжении его долгой жизни нарекания как устаревшая, а митрополит Евгений (Болховитинов), библиограф уже следующей эпохи, видел у него «странност[и] в словах и словосочинении». В «Дикционере» указаны три вида растений, называемых *шипок* (с. 141–142), для которых Кондратович дает следующие латинские названия: *шипок*, *крин*, *роза или розен древцо* (*Rosa coroneola* ‘шиповник мускусный’), *шипок лесной*, или *шипинник*, *с ягодами* (*Syacantha*; такое название в других источниках найти не удалось) и *шипок полевой*; а по славенски *крин селный* (*Cynorrhodon* ‘плод шиповника’, *rosa sylvestris*). Таким образом, не только *крин (селный)* оказывался не лилией, а розой, но и слово *шипок* объявлялось не «славенским», а русским разговорным. Далее у слова *шипинник* указываются два значения: ландыш (*Lilium convallium*) и «растение терновое» (*Rhamnus* ‘крушина’). Отражала ли эта картина реальное смешение данных названий в каком бы то ни было узусе или являлась авторским экспериментом Кондратовича по созданию русской естественнонаучной терминологии, переживавшей период «терминологической мультипликации» (об этом интенсивном процессе во второй половине XVIII в. см. [Пироговская 2016: 106], где и прочая библиография) — вопрос пока открытый.

6. Шипок романтический: ‘бутон’

В паре *шипок* : *роза* применительно к языку Кантемира или Тредиаковского речь идет действительно о синонимах. Но уже в конце XVIII в. существовало такое словоупотребление, при котором *розой* именуется растение в целом, а *шипком* — его нераспустившийся бутон, хотя оно еще долго не было отмечено словарями. Любопытно, что несмотря на этимологию слова *шипок*, производного явным образом от *шип*, *шипком* называется как раз та часть растения, где шипов нет; впрочем, уже гораздо позже в прозе Андрея Белого фигурирует и *розовый шипок* в значении ‘шип розы’ (см. ниже, раздел 7). Диминутив от этого слова *шипочек* представлен в конце XVIII в. у Н. Иванова в «Подробном словаре увеселительного, ботанического и хозяйственного садоводства» (1792). Описывая растение бедренец, Иванов указывает (сохраняем некоторые особенности орфографии): «на вершинах стволов бывают круглые головки, усаженные маленькими цветочками, на подобие шипочков на четыре четвертинки разделенные, с наружи багряного цвета, а внутри зеленого, из середины коих выходит пучок игл, иногда желтых, а иногда багряных». *Шипочек* здесь — уменьшительное скорее от ‘бутон’, чем от ‘роза’ (заведомо не ‘гранат’).

В поэтических текстах (а также в художественной прозе, например «Саламандре» В. Одоевского) с 1790-х гг. отмечено уже почти только новое употребление⁴⁶, а значение ‘роза целиком’, ‘розовый куст’ исчезает. В частности, прямо появляется словосочетание *шипок розы* (см. ниже примеры из Фета и Бенедиктова) или его развернутые эквиваленты: *Юная роза Лишь развернула Алый шипок...* (Державин, 1795); *Так роза <...> Почуя теплый ветерок, Его лобзаньям открывает Благоуханный свой шипок...* (Баратынский, 1824); *Но кто же ты, о дева-роза? Ужель и твой молодой шипок Едва блеснул — и изнемог В когтях у раннего мороза?* (Тепляков, 1829); *Она свежа, как роза-цвет, Что при деннице ясной Алеет всё милей, милей, Шипок свой развивая* (Раич, перевод «Неистового Орланда», 1833).

Интересны прямые противопоставления *шипка* и *розы*, например, у А. Ф. Воейкова («Полярная звезда на 1824 г.», с. 55): *Сорви, коль пышная пленяет роза взглядом. Но пощади шипок, висящий с нею рядом.* Стихотворение Бенедиктова демонстрирует развернутое противопоставление нераскрытого *шипка молодого* и «возникшей» *розы*:

Весна прилетела; обкинулся зеленью куст; Вот ангел цветов у куста, оживленного снова, Коснулся шипка молодого Дыханьем божественных уст — И роза возникла, дохнула, раскрылась, созрела, Сладчайший кругом аромат разлила и зарей заалела («Смерть розы», 1835).

По-видимому, то же противопоставление (а не просто синонимия) и у Фета (1842): *До росы шипки грустили, А теперь смеются розы* (т. е. уже распустившиеся). Ср. довольно неловкие в поэтическом отношении куплеты заглавной героини из «провинциальных сцен» Н. А. Коровкина «Настенька» («Репертуар и Пантеон», 1842, кн. XIV): *Как розов сад весь оживился Здесь мой родимый уголок! Вот и красавчик распустился Его замеченный шипок!* (речь идет не о метафоре, как можно было бы подумать, а о реальном розовом кусте, на котором героиня подметила определенный бутон и ждет, когда он раскроется; в последующей прозаической реплике она спрашивает *Где же мой шипок?*).

Бенедиктов и Фет свободно пользовались этим словом вплоть до самых поздних своих стихотворений, созданных уже в иную эпоху:

Розы шипок, возбужденный дыханьем апреля, Девочка — ангельский лик с полотна Рафаэля! (Бенедиктов, «Мадонна», 1872);

⁴⁶ Старое значение, возможно, представлено в книге И. М. Кандорского «Жертва величю Божию, или Умиленные мысли о делах Его» (1802): *Вскружился ветр — опал алеющий шипок: Подобно нежен, слаб и юности цветок.*

Постой, — шалить не долгий срок: Май остудить тебя сумеет, И розы пурпурный шипок, Вдруг раскрываясь, побледнеет (Фет, «Ребенку», 1886).

Представляется, что в русском лексиконе романтической эпохи у этого слова нет никакого оттенка стилизации или архаизма (разве что оттенков маркированного поэтизма, как, впрочем, и во времена Кантемира). Такая окраска очевидна только в начале XX в. у осознанных стилизаторов поэтики пушкинской поры, например у Юрия Верховского:

Крупную розу вокруг облегают листья и ветви; Возле ж ее лепестков юные рдеют шипки («Сельские эпиграммы», 2, 1917)

или Бориса Садовского (в прозе):

Впервые завязался их чистый светлый шипок двадцать лет с лишним тому назад, когда Кирила Павлыч был статным красавцем кирасиром (как шел ему белый мундир!), а кузина прелестной, как ангел, двенадцатилетней девочкой («Лебединые клики», 1911).

В XIX в. заимствование *бутон* (как и заимствование *роза* при Кантемире) считалось принадлежностью прозы: в поэтическом корпусе НКРЯ (не считая юмористических стихов молодого А. К. Толстого в письмах Н. В. Адлербергу) оно появляется только с 1890-х гг. (П. Якубович, М. Лохвицкая), как раз после того как со сцены сходят последние романтики.

Академический «Словарь современного русского литературного языка» указывает у слова **ШИПОК** два значения: уменьшительное от *шип* и (устар.) ‘бутон, цветок розы’, иллюстрируя последнее как раз примерами из Баратынского и Фета [БАС, 17: 1405]. Не приводя значения ‘роза’, словарь поступает корректно, поскольку охватывает так называемый «современный литературный» язык, включающий, по господствующим воззрениям, пушкинский период, но не кантемировский и тем более не церковнославянские тексты. Указанное этим словарем значение ‘уменьшительно-ласкательное к *шип*’ рассмотрим подробнее: хотя оно формально и не имеет отношения к тематике статьи, тем не менее преимущественное использование и словарное описание этого слова именно в таких контекстах косвенно свидетельствует о неактуальности ботанической лексемы. Кроме того, в творчестве Андрея Белого, по видимому, оно участвует в паронимическом / омонимическом обыгрывании.

7. Диминутив и омонимия

Автоматически реконструируемое любым носителем русского языка значение слова *шипок* — уменьшительная форма от *шип*. Оно отражено и у Даля [IV: 652–653, s.v. *шипъ*]: и это единственное общелитературное

значение, которое вошло в его словарь, вместе с пословицей *Хорош бы цветок, да остер шипок* (продублированной, как это обычно для Даля, и в «Пословицах русского народа»). Указано также значение ‘гречишная лузга, гречневая шелуха, мякина’ (впрочем, без диалектной приуроченности). Как мы упоминали (раздел 4), только диминутивная семантика указана для *шипок* и в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г., где косвенные формы от *шипок* некорректно проинтерпретированы как представляющие лексему *шинец*, и, вероятно, этому же решению следует и Даль. Слово *шипок* несколько раз выступает как технический термин (‘зубец’, ‘штырь’): в книгах И. Гамеля «Описание Тульского оружейного завода» (1826), Н. Л. Бродского «К воле: крепостное право в народной поэзии» (1911) и др., в записной книжке Н. В. Гоголя: *Кукан — привязь, шипок с веревкой, на который на низывается пойманная рыба* (1842–1844).

Этимологически *шипок* ‘маленькая колючка и т. п.’ — точный когнат слова *шипок* ‘роза / бутон розы / (библ. цсл.) гранат’, синхронно — омоним. Такой диминутив употреблен у Андрея Белого, причем у этого же автора представлен и еще один, «абсолютный» омоним этого слова — образованный не от *шип* ‘колючка’, а от *шипеть* (и при этом диминутивом от *шип* II ‘шипение’ он, скорее всего, не является — это суффикс со значением ‘квант действия’ вроде *рывок, плевков, бросок, прыжок, глоток* и т. д.)⁴⁷:

Верно, серные эти бездны, выпускающие злую саранчу, чтоб пронзилось сердце саранчиным жалом и потом чтоб оно кровью облилось: он с темными своими боролся недрами, как некогда с гидрой Геракл, уснащая речь магией и медом собранных слов, чего не понимали люди, как вот Катенька, тоскливо заостренная в эту минуту, как розовый шипок («Серебряный голубь», 1909);

«А впрочем, так длить невозможно, — шагаем обратно, — я в каждой настируции, в каждой шипке самовара, в наколке, в поджатии губ ощущаю падение рода; и коли так длить, я — погибну» («Между двух революций», изд. 1934).

Перед нами само по себе выдающееся лексическое достижение для одного автора, но и это еще не всё. Видимо, в обоих случаях с интервалом в четверть века Андрей Белый, с его обостренной памятью на словоупотребления (ср. «Мастерство Гоголя»), еще и виртуозно играет неоднозначностью слова. В первой цитате эпитет *заостренная* указывает на колючку, а эпитет *розовый* — на розу (т. е. это не *‘шип розового цвета’, а именно ‘шип розы’, как *розовый куст, розовый лист, розовый сад, розовый бутон* и пр.). Од-

⁴⁷ Змеиный шипок встретился также в «Даре» Набокова (1937).

нако в подтексте, вероятно, есть и «романтическое» значение, ср. то же самое словосочетание (*розовый шипок*) в переосмысленном значении ‘бутон’ у Мельникова-Печерского (см. выше). Как раз в конце 1900-х Белый внимательно изучал поэзию и язык пушкинской поры. Во второй цитате *шипок самовара*, явным образом означающий ‘(резкое и краткое) шипение’, окружён конвоем из *наколки*, отсылающей к семантике ‘колючка’, и *настурции*, напоминающей о «романтическом» шипке-бутоне.

8. Вариативность ударения

Исторически старшей (по [Зализняк 2019: 472]) у слова *шипокъ* ‘роза’ была акцентная парадигма *a°*, при которой ударение всегда падает на последний слог основы (но сама основа меняет число слогов из-за наличия беглого гласного): И. ед. *шипóкъ*, Р. ед. *шипка*, И. мн. *шипци*. В дальнейшем эта парадигма эволюционировала по-разному: выравнивание либо в чистую схему *a* с начальным ударением (*шипóкъ*, *шипка*, *шипцы*), либо в чистую *b* с конечным (*шипóкъ*, *шипкá*, *шипцы́*), причем возможны и контаминации этих типов и колебания между ними в одном памятнике (см. примеры там же).

Оба варианта акцентуации И. ед. представлены в словаре Поликарпова [Там же]. Обратим внимание на акцентную вариативность этого слова в корпусе новоцерковнославянских текстов и их редакций в изданиях конца XIX–XX в. (по [НКРЯ]): в И. ед. отмечено как инновативное ударение *шипóкъ* (в частности, только так в Елизаветинской библии, Типиконе, Следованной псалтыри), так и более раннее *шипóкъ* (в Минее, по-видимому, оно даже несколько чаще); в И. мн. при этом обычно выступает инновативное *шипцы́* (лишь с одним исключением).

Разнообразная акцентуация фиксируется и в собственно русских текстах XVIII в. У Кантемира встречаем (судя по женской клаузуле силлабических строк анакреонтической оды «О шипке») инновативное И. ед. *шипóк*, у Тредиаковского в гекзаметрической строке теоретически возможны оба ударения (ни *при-шипков*, ни *при-шипкóв* не нарушают схемы гекзаметра): *Кринна-бель зрится на-нем при-шипков румяности свежей*.

Начиная с Державина в силлабо-тонической поэзии засвидетельствована исключительно акцентная парадигма *b*: *шипóк*, *шипкá* (ее дает как современную норму и А. А. Зализняк). Таким образом, акцентная дифференциация идёт рука об руку с семантической: можно выделить церковнославянское и русское (до середины XVIII в.) *шипок* (акцентная парадигма *a°*, *a* или контаминированная) ‘роза; (библ.) гранат’ и активное в 1790–1880-е гг. в преромантической и романтической поэтике *шипóк* (акцентная парадигма *b*) ‘бутон (розы)’.

9. Заключение

Итак, слово *шипок* представляет собой образец церковнославянизма, изначально унаследовавшего полисемию южнославянских диалектов. В средневековый период оно, однако, находилось в конкуренции с другими синонимическими обозначениями как розы, так и граната; в целом успешно выдержав эту конкуренцию и закрепившись в церковнославянской Библии, оно в то же время оказалось вытесненным из литературного русского языка в новой культурной ситуации XVIII в. Первоначальная попытка закрепить его как поэтическое обозначение для ‘розы’ не пережила экспериментов эпохи Кантемира — Тредиаковского; эпоха романтизма нашла для него семантическую нишу — более узкое значение ‘бутон розы’, которое тоже вскоре «завяло» вместе с романтической топикой. На протяжении всей своей истории, впрочем, слово *шипок* относится к малоизвестным для восточных славян, что выразилось, в частности, в однотипных ошибках как в средневековых рукописях ветхозаветных книг, так уже и в компьютерную эпоху. В то же время опыт различного рода (в том числе каламбурных) обыгрываний его в литературе XIX в. и Серебряного века показывает, что эта лексема, как и многие другие маркеры стилей прошлого, может быть потенциально востребована в «резервном фонде» языка для экспериментаторов и стилизаторов.

Источники и литература

- Алексеев 1983 — А. А. Алексеев. К определению объема литературного наследия Мефодия (Четий перевод Песни песней) // ТОДРЛ. 37. С. 229–255.
- Алексеев 1999 — А. А. Алексеев. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
- Алексеев 2002 — А. А. Алексеев. Песнь песней в древней славяно-русской письменности. СПб., 2002.
- Аникин — А. Е. Аникин. Русский этимологический словарь. Т. 1–18–. М., 2007–2024–.
- Анненков 1878 — Н. И. Анненков. Ботанический словарь. Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сельских жителей. СПб., 1878.
- БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М., 1948–1965.
- БЕР — Български етимологичен речник. Т. 1–8–. София, 1962–2017–.
- БМД — Библия Матфея Десятого 1507 года. Из собрания Библиотеки Российской академии наук: В 2 т. / Подгот. изд. и исслед. А. А. Алексеев (отв. ред.), А. Е. Жуков, Ф. В. Панченко. СПб., 2020.
- Востоков — А. Х. Востоков. Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1952.

- Геров — Н. Геров. Речник на българский език. Ч. 2. Пловдив, 1897; Ч. 5. Пловдив, 1904 (репр. 1978).
- Грінченко — *Б. Д. Грінченко*. Словарь української мови. Т. 4. Київ, 1909.
- Даль — *В. И. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. СПб., 1880–1882.
- Двинятин 2020 — *Ф. Н. Двинятин*. Из наблюдений над парными синонимическими обозначениями растений в русской поэтической традиции, истории языка и культуры // Универсалии русской литературы. 8: Сборник статей. Воронеж, 2020. С. 451–473.
- Димитракос — *Μέγα λεξικὸν ὅλης τῆς ἐλληνικῆς γλώσσης*. Ἑλ. Δ. Δημητράκου. Т. 1–15. 1936–1953.
- Добровольский — *В. Н. Добровольский*. Смоленский Областной Словарь. Смоленск, 1914.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. Т. 6. Київ, 2012.
- Заимов, Капалдо 1982 — *И. Заимов, М. Капалдо*. Супрасльский, или Ретков сборник. Т. 1–2. София, 1982–1983.
- Зализняк 2019 — *А. А. Зализняк*. Древнерусское ударение. Общие сведения и словарь. 2-е изд., расшир. и переработ. М., 2019.
- Ипполитова 2011 — *А. Б. Ипполитова*. Русские рукописные конские лечебники XVII–XVIII вв. vs народная ветеринария: к постановке проблемы // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 14. Комплексные исследования традиционной культуры в постсоветский период. М., 2011. С. 236–253.
- Истрин — *В. М. Истрин*. Книги времени и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Т. 1–3. Пг./Л., 1920–1930.
- КДРС [Картотека древнерусского Словаря] — Картотека Словаря русского языка XI–XVII вв.
- Клосс 1998 — *Б. М. Клосс*. Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. М., 1998.
- Коваленко, Усалко 2025 — *К. Коваленко, И. Усалко*. Этноботаническая база данных PhytoLex: история проекта и перспективы развития // Парад цифровых гуманитарных проектов. Красноярск, 2025. С. 100–119.
- Куликовский — *Г. И. Куликовский*. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- Леонид 1882 — Сказание о св. Афонской горе игумена русского Пантелеймонова монастыря Иоакима и иных святогорских старцев (из собрания Синодальной библиотеки, № 272, конца XVII века) / Сообщ. архим. Леонид. СПб., 1882 (ПДП, № 30). С. 5–31.
- МАС — Словарь русского языка в 4-х томах (Малый академический словарь). Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1957–1984.
- Мельниченко — *Г. Г. Мельниченко*. Ярославский областной словарь. Вып. 10. Ярославль, 1991.

- Молдован 2000 — *А. М. Молдован*. «Житие Андрея Юродивого» в славянской письменности. М., 2000.
- Ненарокова 2015 — *М. Р. Ненарокова*. Рассуждение о цветочках Кантемира // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. № 2–3. С. 36–49.
- НОС — Новгородский областной словарь. СПб., 2010.
- Окерман Саркисян 2007 — *K. Åkerman Sarkisian*. Житие Онуфрия Пустынника в рукописной традиции средневековой Руси. Uppsala, 2007.
- Пентковская и др. — *Т. В. Пентковская, Л. И. Щеголева, С. А. Иванов*. Житие Василия Нового в древнейшем славянском переводе. М., 2019.
- Пироговская 2016 — *М. М. Пироговская*. Ольфакторный код и воспитание чувствительности в русской городской культуре 1860–1910-х годов. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2016.
- Пичхадзе и др. 2004 — *А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин*. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод. Т. 1–2. М., 2004.
- Пичхадзе 1996 — *А. А. Пичхадзе*. К истории четвѣго текста славянского Восьми-книжия // ТОДРЛ. 49. 1996. С. 10–21.
- Подвысоцкий — *А. О. Подвысоцкий*. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- Попов 1881 — *А. Н. Попов*. Книга бытия небеси и земли (Палея историческая с приложением сокращенной палеи русской редакции) // ЧОИДР. Кн. 1. 1881.
- РМЈ — Речник на македонскиот јазик. Т. 1–3. Скопје, 1961–1966.
- Ромодановская — *В. А. Ромодановская*. Геннадиевская Библия 1499 г. в русской рукописной традиции XV–XVII вв.: Латинские источники. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1999.
- РСХ — Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Књ. 9. Београд, 1975; Књ. 12. Београд, 1984.
- Рыстенко 1928 — *О. В. Ристенко*. Матеріали з історії візантійсько-слов'янської літератури та мови. Одесса, 1928.
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–14. М., 1988–2023.
- Справ. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Справочные материалы / Отв. ред. М. И. Чернышева. М., 2020.
- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–32. М., 1975–2023.
- Срезн. — *И. И. Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1893–1912.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–52. М.; Л./СПб., 1965–2023.
- ССЯ — Словарь старославянского языка. (Репр. изд.: *Slovník jazyka staroslověnského*. 1–51. Praha, 1966–1997). Т. 1–4. СПб., 2006.
- СУМ — Словник української мови в 11 томах. Київ, 1970–1980.
- СЦРЯ — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии наук. СПб.: в Тип. Императорской Акад. наук, 1847. Т. 1–4.

- Творогов 1999 — *О. В. Творогов* (ред. сост.). Летописец Еллинский и Римский. Т. 1. СПб., 1999; Т. 2. СПб., 2001.
- Тихонравов 1892 — *Н. С. Тихонравов*. Древние жития преподобного Сергия Радонежского / Собр. и изд. орд. акад. Н. Тихонравовым М., 1892.
- ТСБМ — Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Т. 5. Кн. 2. Мінск, 1984.
- Фасмер — *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1986–1987.
- Ховрина 1999 — *Т. К. Ховрина*. Лексический состав памятников позднего древнеславянского языка и русские народные говоры // Славянский альманах. 1998. М., 1999. С. 304–317.
- Шапир 1996 — *М. И. Шапир*. У истоков русского четырехстопного ямба: генезис и эволюция ритма: (К социолингвистической характеристике стиха раннего Ломоносова) // *Philologica*. 1996. Т. 3, № 5/7. С. 69–101.
- Эйделькинд 2015 — *Я. Д. Эйделькинд*. Песнь песней. Перевод и филологический комментарий к главам 1–3. М., 2015.
- Beekes — *R. S. P. Beekes*. Etymological dictionary of Greek. Leiden, 2009.
- BDB — *F. Brown, R. Driver, Ch. Briggs*. Hebrew and English Lexicon. Oxford, 2010.
- Beentjes — *P. C. Beentjes*. The Book of Ben Sira in Hebrew: a text edition of all extant Hebrew manuscripts and a synopsis of all parallel Hebrew Ben Sira texts. [Supplements to *Vetus Testamentum*, Vol. 68.] Leiden, 1997.
- Bezljaj — *Fr. Bezljaj*. Etimološki slovar slovenskega jezika. Kn. 1–5. Ljubljana, 1977–2007.
- Boryś — *W. Boryś*. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005.
- Brückner — *A. Brückner*. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1985.
- Chantraine — *P. Chantraine*. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Paris, 1968.
- De Boor — *C. de Boor* (ed.). Georgii Monachi Chronicon. Lipsiae, 1904.
- Delehaye 1905 — *H. Delehaye*. Symeon Metaphrastes. Passio sanctorum Acepsimae, Iosephi et Aeithalae // Les versions grecques des actes des martyrs Persans sous Sapor II [Patrologia Orientalis 9 (2.4)]. Paris, 1905. P. 546–557.
- Halkin 1958 — *F. Halkin*. La Passion grecque des Saintes Libyè, Eutropie et Léonis, martyres à Nisibe // *Analecta Bollandiana* 76. 1958. P. 302–315.
- HSSJ — Historický slovník slovenskeho jazyka. N. 5. Bratislava, 2000.
- LSJ — *H. G. Liddell, R. Scott*. A Greek-English Lexicon. Revised by H. S. Jones (1940) [Online]. Perseus Digital Library [<https://www.perseus.tufts.edu/hopper/morph?la=greek>]
- LXX Gott. — Septuaginta (Vetus Testamentum Graecum) auctoritate Societatis Litterarum Göttingensis editum. Vol. 16. Pars 1. Göttingen, 1952.
- Lust–Eynikel — *J. Lust, E. Eynikel*. A Greek-English Lexicon of the Septuagint. Rev. ed. Stuttgart, 2003.

- MEΛ — Μείζον Ελληνικό λεξικό Τεγόπουλος-Φυτράκης; διεύθυνση σύνταξης Μαρία Μανδαλά. Αθήνα, 2004 (1997).
- Miklosich — *F. Miklosich*. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Wien, 1862–1865.
- Müller 2010 — *A. Müller*. Die Carmina Anacreontea und Anakreon Ein literarisches Generationenverhältnis. Tübingen, 2010.
- Porsons 1822 — *R. Porsons* (ed.) Fotii Lexicon. E codice Galeano descripsit Ricardus Porsonus. Vol. 2. Lipsiae, 1822.
- PSJČ — Příruční slovník jazyka českého (Česká akademie věd a umění). T. 5. Praha, 1948–1951.
- RHJ — *F. Ivekovic, I. Broz*. Rječnik hrvatskoga jezika. Sv. 2. Zagreb, 1901.
- RJA — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika (Akademijin rječnik). Zagreb. D. 5 (1898–1903); D. 17 (1961).
- SJP — *W. Niedźwiedski i dr*. Słownik języka polskiego. T. 5. Warszawa, 1915.
- Skok — *P. Skok*. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Kn. 1–4. Zagreb, 1971–1974.
- SP XVI — Słownik polszczyzny XVI wieku. T. 13 (1981), Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk.
- SSJ — Slovník slovenského jazyka. D. 4. Bratislava, 1964.
- SSKJ — Slovar slovenskega knjižnega jezika. Kn. 4. Ljubljana, 1985.
- SStP — Słownik staropolski. T. 7. Wrocław, etc., 1981.
- Sullivan et al. — *D. S. Sullivan, A.-M. Talbot, S. McGrath*. The Life of Saint Basil the Younger. [Dumbarton Oaks Studies XIV.] Washington, 2014.
- Tittmann 1808 — *J. A. H. Tittmann*. Iohannis Zonarae lexicon ex tribus codicibus manuscriptis. Vol. 2. Leipzig, 1808 (repr. Amsterdam: Hakkert, 1967).
- Wimmer 2005 — *E. Wimmer*. Novgorod — Ein Tor zum Westen? Übersetzungstätigkeit am Hofe des Novgoroder Erzbischofs Gennadij in ihrem historischen Kontext (um 1500). Hamburg, 2005.